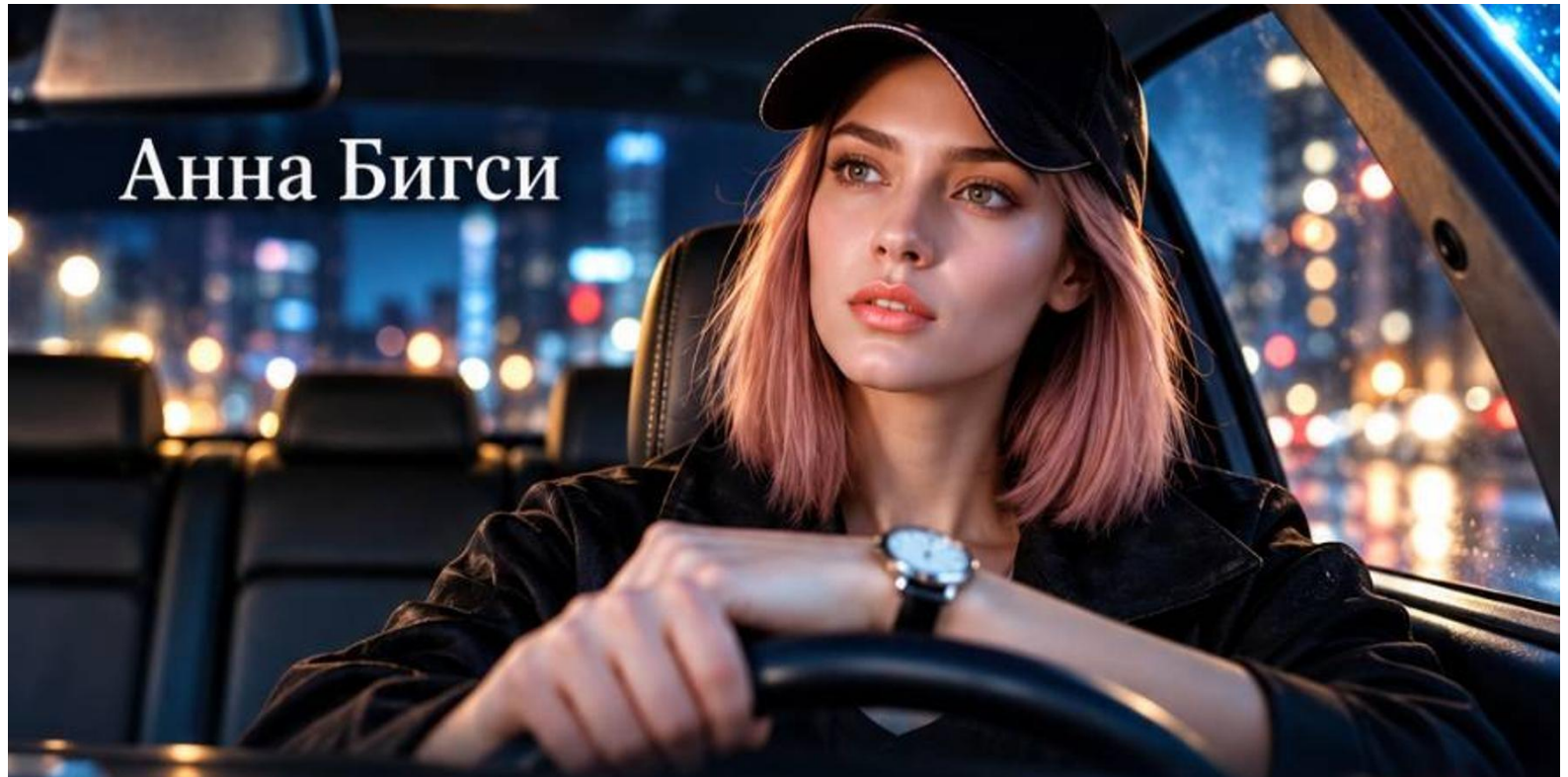

Анна Бигси

ЛИЧНОЕ ТАКСИ **ОФИЦЕРА** АЗАРОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Бигси

Личное такси офицера Азарова

«Автор»

2026

Бигси А.

Личное такси офицера Азарова / А. Бигси — «Автор», 2026

— Теперь ты будешь работать на меня.— Еще чего. Размечтался! — фыркает, еще не зная, что выбора нет.— Или лишишься прав, — ее глаза возмущенно округляются. — Для начала— Да кто вы вообще такой?— Подполковник Азаров, — показываю ксиву. — ФСБ.Дерзкая таксистка оскорбила меня и решила, что все сойдет с рук. Но нет, со мной шутки плохи, а игры опасны. Я нашел ее, чтобы наказать, но для начала поиграем в мои игры и по моим правилам. И лучше бы ей не спорить и не сопротивляться, иначе..

© Бигси А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Руслан	5
Глава 2. Руслан	8
Глава 3. Евгения	10
Глава 4. Руслан	13
Глава 5. Евгения	15
Глава 6. Руслан	19
Глава 7. Руслан	22
Глава 8. Евгения	25
Глава 9. Руслан	28
Глава 10. Руслан	30
Глава 11. Евгения	33
Глава 12. Руслан	36
Глава 13. Руслан	38
Глава 14. Евгения	41
Глава 15. Евгения	43
Г	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анна Бигси

Личное такси офицера Азарова

Глава 1. Руслан

Проливной дождь монотонно барабанит по карнизу, а лампа дневного света противно гудит и действует на без того расшатанные нервы.

— Ну? — не выдерживаю я, сверля спину друга взглядом. — Каков вердикт, доктор?

Глеб не торопится с ответом. Отходит к раковине, моет руки и вытирает. На меня почти не смотрит и это не добавляет оптимизма.

— Что ты хочешь от меня услышать? — взгляд останавливается на моем лице.

— Правду, конечно.

— Могу сказать только то, что ты уже слышал от своих врачей.

— Нет уж, — раздраженно выдыхаю. — Скажи лучше то, что они не решаются.

— Они не решаются, потому что ты психуешь. — Суров садится напротив и смотрит в глаза. — Ткани восстановились хорошо. Нерв цел. Руслан, проблема уже не в кости, а в мышцах. Тебе поставили пластину, кость срослась, но мышцы атрофировались. Таблетками не поможешь, только работой.

Смотрю на свою правую кисть. Пальцы шевелятся, но слабо, даже с трудом и это знатно вымораживает. Месяц в гипсе, а толку никакого. Рука все равно не слушается, как должна.

— Я в курсе, — цежу сквозь зубы и неуклюже натягиваю бандаж-рукав на правое плечо.

— Тогда чего ты от меня хочешь? — взгляд Глеба усталый, но серьезный. Он профессионал своего дела и никогда не упускает даже малейшие детали.

— Понимания. Когда я смогу вернуться к нормальной жизни? Сесть за руль, есть, мочиться по-человечески, а не вот это вот все! — накопленное раздражение все же прорывается наружу.

— Рус, я хирург, а не ясновидящий. И как хирург тебе говорю, что сроки зависят только от тебя. Волшебной таблетки не существует. Начни разрабатывать руку, ходи на реабилитацию и через три-четыре месяца вернешь большую часть функций.

— Ты шутишь? — хмурюсь я. — Мне обещали месяц. Максимум два.

— Тебе, наверное, обещали стандартный протокол. Я говорю по факту. Как есть. — Глеб разводит руками. — Ты можешь злиться и сколько угодно менять врачей. Можешь пить таблетки горстями, но это не поможет. Нужно время и реабилитация.

Бесит эта херня! Резко поднимаюсь, задевая стул. Тот падает и звонко ударяется о кафель.

— Да не могу я столько ждать! Результат нужен уже сейчас.

— Ну извини, — хмыкает Суров, но взгляд остается серьезным. — Ты пришел за правдой, ты ее получил. Разрабатывай руку, делай ЛФК, плавай. Чуда не будет, но результат получишь точно.

Пока застегиваю пуговицы левой рукой сверлю друга взглядом. Головой понимаю, что он прав, но признавать этого не хочется. Точнее, хочется найти более быстрый маршрут к цели.

— Ладно. Я понял.

— Что ты понял? — вздыхает Глеб.

— Ты ничем не лучше остальных.

— Вполне вероятно, — кивает он и что-то пишет на листке бумаги. — Это хороший реабилитолог. Позвони.

Сминаю листок не глядя и выкидываю в мусор. Не такая помощь мне нужна. Разворачиваюсь и не прощаясь иду к двери.

— Руку не запускай, — летит мне в спину. — И прекрати жрать обезбол горстями. Печень посадишь.

— Ты что мой лечащий врач? — огрызаюсь я.

— Я твой друг, — спокойно возражает Сура. — И я пытаюсь до тебя достучаться.

— Не получится, — бросаю я и выхожу из кабинета.

В коридоре тихо и не многолюдно. Все же уже вечер. Прислоняюсь спиной к холодной стене и глубоко дышу, пытаюсь остудить ярость, что клокочет внутри. Но все бесполезно, а главное бессмысленно.

Шевелю пальцами правой руки и будто слышу скрип, который они издают. Рука словно не моя, тяжелая и металлическая. Смотрю на нее, изнутри поднимается тошнотворная волна страха. Что если не получится? Ну какой я офицер без руки? Бумажный червь, не больше.

Достаю телефон и нажимаю иконку, чтобы вызвать такси. Батарея почти на нуле, но найти тачку хватит. Приложение подбирает машину. Комфорт плюс нет поблизости, только эконом. Но мне уже похер, найдите хоть что-нибудь. Не могу больше в этих стенах, хочется вырваться поскорее.

Выхожу на улицу. Вечер, дождь лупит по асфальту, собираясь в огромные лужи. Холодный ветер пронизывает до костей. Кутаюсь в тонкую куртку, даже поднимаю воротник. Машины не видно.

Уточняю в приложении. Подъедет через две минуты. Белый седан, запоминаю номер на всякий случай и залипаю в мессенджере. Отвечаю на срочные сообщения и пролистываю не актуальное.

Из темноты вырывается такси, размазывая свет фар по мокрому асфальту и останавливается у крыльца. Дверь, конечно же, никто не спешит открывать. Эконом же, мать его... Спускаюсь, втягивая голову в плечи и неуклюже дергаю ручку левой рукой. Тугая, с первого раза не поддается. Дергаю сильнее. Неудобно это все пиздец как, но выбора нет.

Сажусь в салон и хлопаю дверь.

— В центр, — бросаю зло. — На Ленина.

Поднимаю глаза и в зеркало вижу кепку, надвинутую почти на глаза, лица не видно. Откидываюсь на спинку, а машина плавно трогается с места. Дождь барабанит по крыше, я смотрю в окно на размытые огни, а в голове красной лампой мигают слова Глеба. Три месяца, это пиздец как долго! Хочется завывать от досады.

Чтобы хоть немного отвлечься от мрачных мыслей, перевожу взгляд на водителя. Кепка, темная куртка. Лица не видно, только руки, сжимающие руль. Я залипаю на этих руках. Тонкие запястья, изящные кисти, длинные красивые пальцы, не созданные для работы. Но самое интересное это часы. Явно не женские. И точно не смарты. Больше похоже на котлы из прошлой эпохи. Что-то мне подсказывает, что их нужно каждый день заводить.

Стоп! Женские? Определенно... Баба за рулем такси? Этого еще не хватало.

— Зашибись, — бормочу себе под нос и провожу ладонью по лицу. Какие еще сюрпризы будут?

— Вы что-то сказали? — в зеркале отражаются глаза. Светло-карие, с длинными, пушистыми ресницами.

Но это ничего не меняет. Женщина за рулем, это же мартышка с гранатой. Рисковать своей шкурой как-то совсем не хочется. Надо завтра же разобраться с этой богадельней.

— Я сказал, что планирую еще пожить, — выдавливаю из себя.

— Да ради бога, — легкая, саркастичная усмешка касается губ девушки.

А меня аж передергивает от этого. Издевается что ли? Какого хрена?

— По-твоему, это смешно? — давящие нотки появляются в голосе.

— Нет, почему, — пожимает она плечами и снова устремляет на меня взгляд. — Скорее забавно.

Ну охренеть просто! Совсем страх потеряла, девочка? Я тебя быстро приструню.

— На дорогу смотри, курица! — рывкаю я, а девчонка поджимает губы.

Вот только слез и истерик не надо! Терпеть не могу это сырость и манипуляции. Отворачиваюсь к окну, чтобы больше не смотреть на нее. Капли наперегонки стекают по стеклу, дождь зарядил по ходу на всю ночь.

Машина внезапно останавливается. Встает колом посреди дороги и включается аварийка.

— Ну что еще случилось? — выдыхаю недовольно и поворачиваюсь к водителю. — Колесо?

— Вы приехали, — обжигает она ледяным спокойствием. — Выйдите из машины, пожалуйста.

Глава 2. Руслан

— Чего? — у меня аж глаза округляются от недоумения. — Что значит приехали?

Смотрю в окно, а вместо центра города вижу деревья, заброшенные гаражи и ни одной души вокруг.

— Ты че, коза, охренела что ли? — рычу грозно. — Вези, куда велено.

— Не знаю из как там у вас в зоопарке, — шипит язвительно. — А у меня в машине хозяйка я и требую, чтобы вы вышли сейчас же.

— Че, млять.... — теряю дар речи на пару секунд. — Издеваешься что ли?

— Повторяю последний раз, — оборачивается и направляет на меня какой-то баллончик, судя по всему, газовый. — Выходите.

Смешная такая, похожа на вздыбившегося котенка. И что с ней делать? Не драться же. Хотя я и одной левой скручу ее в бараний рог, но как-то не по-пацански что ли. Обычно ксива решает любые вопросы мгновенно. И сейчас, я уверен, проблем бы не возникло, но ксива, как назло, осталась в пиджаке.

— Ты даже не представляешь, какие у тебя будут проблемы... — все же предупреждаю, давая последний шанс на спасение.

— Хотите жаловаться — пожалуйста, — перебивает решительно. — А сейчас выходите.

Выдыхаю и неуклюже открываю дверь этого корыта. Выхожу под дождь, дверь захлопывается, щелкают замки, а такси срывается с места, моргнув напоследок стопарями и оставив меня посреди пустынной дороги ночью, с большой рукой и без зонта. Ну просто фееричный факап.

— Твою ж мать, — цежу сквозь зубы.

Ледяные капли сыпятся сверху, скользят по лицу, попадают за воротник и стекают по спине. Холодно, мерзко, а вокруг ни души. Зябко ежусь и осматриваюсь. Я вообще не любитель гулять, особенно ночью и под дождем. С детства горло слабое, чуть что и сразу ангина.

И куда она меня привезла? На объездную, не все так плохо, но надо выбираться отсюда. Впереди силуэт автобусной остановки, иду к ней, перепрыгивая лужи, но ноги один хрен промокают насквозь.

Остановка — одно название. Кусок ржавого металла, скамейка сломана, крыша течет, но она хотя бы есть. Достая телефон, чтобы вызвать очередное такси, но экран мигает в последний раз и гаснет окончательно.

— За-ши-бись!

Едва сдерживаюсь, чтобы не разбить бесполезный гаджет о стену, запихиваю обратно в карман и втягиваю голову в плечи. Ну и что дальше, подполковник? Есть идеи? По-хорошему надо двигать в сторону больших огней к городу, но погода шепчет...

Делать нечего, иду. Спустя десять минут мне сказочно везет, удается поймать попутку. И через полчаса, я, мокрый до нитки, добираюсь до дома.

Поднимаюсь и открываю дверь. Тишина и покой. Наконец-то!

Скидываю куртку на пол, ботинки улетают куда-то туда же. Рубашка, бандаж, брюки и даже трусы с носками вымокли и прилипли к телу. Иду в душ, по дороге отдирая от себя и бросая где попало. Потом разберусь, сейчас главное согреться.

Вода плотным потоком льется на голову. Стою, прикрыв веки и наслаждаюсь теплом, которое окутывает со всех сторон. Намыливаю мочалку и вожу по коже, растирая пену. Выскальзывает из непослушных пальцев и падает на дно ванны.

— Да чтоб тебя!

Отпихиваю в сторону и подставляю лицо под упругие струи. Постепенно согреваюсь, в голове становится светлее, но вместе с тем и неожиданно всплывает образ. Длинные пальцы, тонкие запястья на руле. Еще эти массивные часы. Ничего не могу с собой поделать, залипаю на этой картинке, прокручивая в сознании снова и снова.

Выключаю воду и вытираюсь одной левой. Неудобно пипец как, полотенце не слушается, падает. Мысленно матерюсь, поднимаю и наматываю на бедра. Выхожу на кухню, наливаю в бокал вискарь на два пальца и выпиваю залпом, даже не ощутив вкуса. Жаром опалает внутренности, приятно согревая. Наливаю еще и ухожу в гостиную.

Сажусь в кресло и смотрю на потолок. Тишина давит, а в груди свербит. Помню номер машины и марку. Найти данные труда не составит. Включаю телефон на зарядку и откидываюсь на спинку. Надо подождать немного.

— Да хрен ты так просто отделаешься, — бросаю в пустоту и рассматриваю напиток в бокале. — Я тебя теперь достану.

Медитирую, попивая вискарь и представляю, как заставляю просить прощения. В каких позах и с каким темпом. Заводит так, что в паху нарастает напряжение. Отличная игра вырисовывается. Криво усмехаюсь и включаю телефон.

Контакт в быстром доступе — Артем, мой помощник. Парень шустрый и башковитый. Отлично справляется с рутинными задачами. Что ценно в любое время дня и ночи. Звоню.

— Руслан Викторович? — зевает Артем. — Что-то случилось?

— Пока нет, — ленивая улыбка появляется на моих губах. — Просто хочу познакомиться с владельцем одной машины поближе. Номер сейчас пришлю.

— Без проблем, — отзывается парень.

— Работай.

Сбрасываю звонок и прикрываю глаза. Внутри плещется уже не злость, а что-то другое. Необычное и интересное. Очень любопытная особа и хочется узнать о ней побольше, чтобы подготовиться к следующей встрече. Теперь уже по моим правилам и на моей территории.

— Детка, — улыбаюсь в пустоту. — Ты же не думала, что все сойдет с рук?

Глава 3. Евгения

Ближе к трем часам глаза начинают слипаться. Кофе перестает помогать и даже приоткрытое окно не спасает. Надо закругляться, становится опасно. Тру глаза пальцами, бью себя по щекам.

— Проснись же ты, — цежу сквозь зубы, злясь сама на себя.

Сегодня такая отличная погода, только работать, но, как назло, не получается. Этот монотонный звук дождя действует на меня усыпляюще, как колыбельная. Все потому, что надо было поспать днем, а работать когда?

Останавливаюсь на адресе и опускаю голову на руки, лежащие на руле. Закрываю глаза всего на секунду и слышу настойчивый стук, будто сквозь вату. Вздрагиваю и резко выпрямляюсь.

— Девушка, с вами все в порядке? — мужчина средних лет вглядывается в мое лицо. — Может другую машину вызвать.

— Все хорошо, простите, — растираю лицо ладонями. — Сейчас поедем.

Мужчина недоверчиво смотрит на меня, но все же садится в салон.

— Погода сегодня ужас, — сообщает он деловито, а я киваю, как болванчик.

Для кого война, а кому мать родная. Но вслух, конечно, этого не говорю. Просто делаю свою работу. Везу пассажира по нужному маршруту и параллельно выслушиваю все, чем он хочет поделиться.

— Приехали, — останавливаюсь напротив нужного подъезда.

— Спасибо огромное. Вот вам чаевые.

— Спасибо, — устало улыбаюсь. — Положите вот сюда.

Опускает купюры в подстаканник.

— Не сочтите за грубость, но... телефончик не оставите? Для дела, конечно.

— Извините, но нет. Я работаю только через приложение.

И это чистая правда. Мужчина уходит ни с чем, а я еду дальше.

Принципиально не даю свой номер никому. Хотя и теряю на этом часть дохода. Все же приложение дерет конскую комиссию за предоставление пассажиров, но зато это в разы безопаснее.

Да вот хотя бы недавний случай с хамом из «зоопарка». Такой представительный, в костюме, а сам сволочь сволочью. И взгляд волчий. Высадила и забыла... Ну как забыла? До сих пор бесит! Даже сон вот прошел. Может еще один заказ осилю?

Нет, хватит. Надо отоспаться.

Еду домой. Точнее в квартиру свекрови, в которой прописана я и дети. Только поэтому она нас еще не выкинула на улицу и терпит. Если бы Антон был с нами, все было бы по-другому. Но он пропал год назад...

Пятиэтажка на окраине не предел мечтаний, но выбирать не приходится. Паркуюсь напротив подъезда, пересчитываю за ночь заработанные чаевые и качаю головой.

— Опять сегодня не густо. Даже на лекарство Алинке не хватит.

Внутренний голос ехидно подначивает: «Вот если бы не высадила того толстосума в костюме, может он был бы щедр.»

— Угу, может тогда и переспать с ним надо было?

«Вряд ли ты в его вкусе».

Это точно. Мысленно усмехаюсь и выхожу из машины. Рефлекторно поднимаю голову на окна квартиры — свет не горит. Спят все уже, может хоть сегодня без нравоучений обойдется.

Закрываю свою «ласточку» и иду к подъезду. Поднимаюсь на пятый этаж пешком, открываю дверь своим ключом и буквально вваливаюсь в квартиру. Спать хочется жутко, глаза бук-

вально слипаются. Хочется бросить вещи посреди коридора, упасть сверху и уснуть, но тогда завтра придется выслушивать очередную проповедь Анфисы Федоровны.

Вешаю куртку и кепку, кроссовки аккуратно ставлю на полку и прохожу в комнату, где сладко спят дети. Никитка уже совсем большой, на отдельном кресле. А Алинка со мной на диванчике. Целую поочередно каждого, переодеваюсь в пижаму и юркаю в постель. Крепко обнимаю дочку и буквально проваливаюсь в сон.

Утро начинается не с будильника, а настойчивого телефонного звонка. Я даже не сразу понимаю, что это за мелодия.

— Мам, — недовольно ворчит сын и зевает. — Возьми ты уже трубку.

Сажусь и, не открывая глаз, шарю под подушкой в поисках гаджета. Не глядя принимаю звонок и прикладываю телефон к уху.

— Алло.

— Родионова Евгения Юрьевна?

— Да это я, — сон мгновенно испаряется. — Что-то Антоном? Вы нашли его?

— С каким еще Антоном, — недоумевает собеседник.

— Мой муж, — бормочу я и, зевая, закрываю рот ладонью. — Вы разве не по этому поводу?

— Нет. Я по поводу вашего рейтинга в нашем приложении, — не сразу понимаю, что речь о такси. — Он снизился, поэтому надбавок больше не будет.

— То есть как снизился? — хлопаю ресницами. — Почему? Я же...

— Кто-то из пассажиров поставил вам очень плохую оценку. Исправьте, иначе надбавок не видать. Советую найти этого пассажира извиниться перед ним. Может быть тогда, он отзовет жалобу и рейтинг вернется.

Пытаюсь оправдаться, договориться, но все бесполезно. Эта говорящая голова даже не хочет ничего слушать. Просто сбрасывает звонок. Я рассчитывала на эти деньги.

— Как так то? — стону жалобно и падаю обратно на подушку.

Вот кому это надо было? Что за урод выискался? Долго думать не приходится. Конфликт у меня вчера был один единственный. Зато какой!

— Вот же козел! — шиплю и вспоминаю его физиономию.

Это прям очень «по-мужски», обидеться и настучать на девушку. Хотя чего я ожидала? Все они такие, потребители гребанные.

Поднимаюсь на ноги, надеваю халат и выхожу из комнаты, аккуратно прикрыв дверь. Наливаю чайник, ставлю и берусь за кружку. Кофе покрепче вот единственное, что мне сейчас нужно.

Из комнаты доносится скрип кровати — проснулась свекровь. Через несколько минут она появляется в кухне.

— Уже встала? — голос у нее сухой, недовольный, будто я ей мешаю своим существованием.

— Да, — отвечаю равнодушно.

Анфиса Федоровна поджигает губы.

— Опять поздно пришла.

Я молчу. Говорить в сотысячный раз одно и то же не имеет смысла.

— Ребенок кашляет, а она по ночам катается, — заводит она свою любимую пластинку. — Мать называется.

— Я же не гуляла, а работала, — сжимаю пальцы на ручке кружки.

— И много ты там наработала?

— На лекарства хватит, — вру я. Но не могу сказать правду, тогда она меня еще больше загнобит.

— Вот если бы был Антоша...

— Но его нет! — перебиваю я. — Он пропал.

— Он не пропал, — продолжает свекровь, глядя в окно. — Он просто решил пожить без тебя. Умный мужик.

Анфиса Федоровна смотрит на меня с холодным презрением, как на что-то неприятное, но забавное.

— Что молчишь? Правда глаза колет?

Я отворачиваюсь, потому что что-то доказывать бессмысленно. Чайник щелкает. Заливаю кипяток в кофе, забираю кружку и ухожу в комнату. Дети еще спят, но я лучше посижу с ними, чем вот это вот все.

Глава 4. Руслан

Звук входящего сообщения неприятным эхом раздается в сонном мозгу. Открываю один глаз и смотрю на часы. Почти восемь. И кто же у нас такой бессмертный?

Наощупь нахожу телефон. Сообщение от Сурова.

«На десять у тебя запись к реабилитологу. Не опаздывай»

Вот же неугомонный. Откладываю телефон в сторону и провожу ладонью по лицу. Спать хочется жутко, вообще не помню, как уснул. Может послать его нахрен? Но тупая, ноющая боль от плеча и до локтя помогает принять правильное решение.

Не хотя встаю, позвонки хрустят и становится легче. Иду в ванную и умываюсь холодной водой. А потом смотрю на свое отражение — опухший, злой и небритый. Идеально для встречи с врачом.

Пока чищу зубы левой рукой, звонит телефон. Артем. Как всегда вовремя.

Чертыхаюсь, держу щетку во рту и принимаю звонок, сразу переводя его на громкую.

— Слушаю тебя.

— Руслан Викторович, извините, что рано, — а в голосе ни капли вины. — Данные по машине готовы. Пробил через базу в ГИБДД.

— Излагай.

— Тачка записана на Родионову Евгению Юрьевну, двадцать восемь лет, прописана на Ватутина, дом двадцать восемь, квартира четырнадцать. В ДТП не участвовала, не привлекалась...

Евгения Юрьевна, значит? Мысленно усмехаюсь, вот и познакомились.

— Что по семье?

— Не знаю. Я только машину пробивал.

— Ты издеваешься? — уточняю на всякий случай, глядя на себя в зеркало.

— Н-нет...

— Быстро найди мне все про эту девку и ее семью. Весь ближний круг.

— Есть. Сделаю!

Сбрасывает, а я на пару мгновений прикрываю глаза. Что за идиоты меня окружают? Невольно в памяти всплывает образ этой Жени. Большие, карие глаза, как олененка и запястья, тонкие и изящные, пальцы длинные, красивые, наверное, музыкальные.

«Ну ты еще любителем классической музыки заделайся» — язвительно бормочет внутренний голос.

Отрываю веки и смотрю себе в глаза.

— Хватит рефлексировать, Азаров, — говорю отражению. — Хочешь секса, вызови шлюху, ни к чему усложнять.

Усложнять я не собираюсь, а вот наказать одну охреневшую в край таксистку очень даже. Чтобы не думалось, что можно вот так поступить со мной и ничего за это не будет. Будет, без сомнений!

Выхожу из ванной и иду на кухню. Очередной утренний ритуал, который превратился в пытку. Сварить кофе, оказывается не очень и легко, когда делаешь это левой рукой. Пожалуй, надо купить кофемашину и облегчить себе жизнь.

«Или бабу завести» — все тот же голос, который сегодня явно в ударе.

Нет уж, никаких «завести». После развода с Натальей ни одна женщина не переступала порог моей квартиры, пусть так и будет впредь. Не могу терпеть посторонних на своей территории. У меня аллергия на чужое присутствие в личном пространстве.

Вместо обычных пяти минут, трачу все пятнадцать. Умудряюсь обжечься и обляпать на плиту. Да и кофе, если честно, получается сильно так себе. Но я все равно выпиваю его и смотрю на часы. До приема еще час, успеваю.

Открываю приложение такси и вбиваю маршрут. Появляется несколько желтых машинок вокруг, которые чуть ли не дерутся между собой, чтобы отвезти меня к реабилитологу. Но я отметаю их все, сканирую экран в поисках знакомого номера. Почему бы и не поиграть немного, прежде чем съесть эту мышку?

Не найдя машину Родионовой, захожу в приложение и открываю вчерашнюю поездку. На странице водителя данные о машине и местоположение сейчас. Двадцать минут до моего дома. Палец замирает над кнопкой «Заказать».

Не слишком ли я заиклился? Зачем мне это? Наказать за ущемленное самолюбие? Так есть тысяча других способов, менее изощренных и энергозатратных. Но мне хочется лично ее «нагнуть». Принципиально важно, чтобы она понимала кто и за что.

Нажимаю кнопку. От приложения прилетает сообщение: «Водитель назначен. Ожидайте».

Оставляю телефон на барной стойке и иду одеваться. С ремнем справляюсь без проблем, а вот пуговицы на рубашке — это отдельный вид треша.

Слышу звук уведомления и возвращаюсь на кухню. От приложения:

«Водитель отменил заказ».

— Что за... — не верю своим глазам.

Нажимаю снова. «Заказать». Пауза. Жду.

«Водитель отменил заказ».

В третий раз приложение просто зависает и не отвечает. Ну отлично. Я выхожу из приложения, захожу снова, а ее уже нет в списке.

— Ты меня заблокировала?

Злость стремительно возвращается, подобно лавине течет по венам, разгоняя адреналин в крови.

— Ладно, Евгения. Не хочешь по-хорошему, будет, как я сказал.

Вызываю другое такси. Собираюсь, беру все выписки и анализы, папка получилась толще, чем за всю прошлую жизнь. Выхожу на улицу и смотрю по сторонам, такси еще не подъехало, а должно бы.

Бросаю взгляд на часы и звоню знакомому гаишнику.

— Володин, слушаю, — раздается в динамике голос.

— Петр Саныч, приветствую. Азаров беспокоит.

— А, Руслан, здравствуй дорогой, — интонация сразу меняется. — Как ты? Слышал про ранение.

Раздраженно закатываю глаза. Только ленивый не слышал, а точнее не сказал об этом мне.

— Все хорошо, восстанавливаюсь, — отвечаю максимально коротко и емко. — Я к вам по делу. Личному.

— Даже так, — хмыкает он. — Ну излагай. Поможем чем можем.

Да кто бы сомневался. Иметь ФСБшника в должниках хочет каждый, но не каждый может себе это позволить.

Глава 5. Евгения

Дети спят, а я с кружкой горячего кофе стою у окна. Медленно пью и настраиваюсь на новый день. Еще чуть-чуть, несколько минут тишины и начнется привычная суета.

Режим белки в колесе не выключается в моей жизни никогда. Двадцать четыре на семь я бегу вперед, чтобы заработать денег и обеспечить своих детей самым необходимым. Днем работаю в клининговой компании, а вечером выхожу в такси. Так получается выгоднее по деньгам. На большее, увы, рассчитывать не приходится. Высшее образование так и не закончила.

Звонит будильник, выключаю его и залпом допиваю кофе. Пора.

Сначала бужу Никиту, присаживаюсь к нему на кресло и глажу по спине.

— Ник, в школу пора.

— Ну ма-ам, — тянет он недовольно. — Я спать хочу.

— Бегом чистить зубы, — взъерошиваю волосы. — А я заправлю твою кровать.

— Ладно, — садится сын на постели и широко зевает.

Целую его в макушку и пересаживаюсь к дочке на диван.

— Сладкая моя Малинка, — глажу ручки и плечи.

— Мамочка, — девочка улыбается и тянет ко мне руки.

Подтягиваю ее к себе и усаживаю сверху. Алина заходится кашлем. Прижимаю чуть сильнее, качаю и успокаиваю.

— Все хорошо, малыш, — шепчу на ушко. — Сейчас лекарство выпьем.

— Никитушка, иди за стол, — доносится с кухни голос свекрови.

— Мам, а почему бабушка зовет только Никиту? — шепотом спрашивает дочь.

Как объяснить ребенку, что бабушке нужен только внук, а внучку она не признает и считает не родной? У меня язык не поворачивается. При Антоне она себе такого не позволяла, а сейчас все очень изменилось.

— Потому что ты завтракаешь в садике, — смотрю на Алинку и улыбаюсь. — Поэтому бегом чистить зубки и собираться.

Дочка довольно сползает с моих колен и устремляется в ванную. Я быстро привожу комнату в порядок, заправляю постели и достаю одежду для обоих.

Никита появляется с кухни сытый и довольный. Алинка прибегает из ванной. Пока одеваемся, снова закашливается. Даю лекарство, последнее...

— Ну и куда ты ее такую болезную тащишь? — на пороге появляется свекровь и недовольно качает головой.

— В детский сад, Анфиса Федоровна, — говорю ровно и надеваю на дочь кроссовки.

— Лучше бы в детский дом сдала, — фыркает свекровь. — Проблем было бы меньше.

— Вы с ума сошли?

— Я не хочу в детский дом, — всхлипывает дочь и смотрит на меня огромными глазами, огромные капли начинают стекать по щекам.

— Ну что ты, родная, — прижимаю Алину к себе. — Я тебя никому ни за что не отдам. Бабушка шутит.

— Дурацкие у тебя шутки, бабушка, — со знанием дела заявляет Никита и поворачивается ко мне. — Да, мам?

— Вот чему ты внука учишь? — обрушивается на меня свекровь. — Я так и знала, что против меня настраиваешь.

— Так, все, достаточно, — обрываю ее на полуслове. — Нам пора.

Поправляю Никите рюкзак, даю в руки кепку. Алине застегиваю ветровку и надеваю панаму. Все же еще не лето, а болеть никак нельзя. На выходе летит в спину:

— Я тебя выселю. И выродку твою тоже.

Стискиваю зубы и закрываю дверь. Обида клокочет в груди, но я гашу ее. Не нужно, не сейчас. Она все равно не может нас выселить. От того и бесится. Терпеть эти нападки уже нет никаких сил, но других вариантов тоже пока нет. Все деньги уходят на бензин, детей и лекарства для Алины. Снимать квартиру мы просто не потянем... Ладно справлюсь, не впервой.

Усаживаю детей в машину и плавно трогаюсь с места. В салоне тишина, дочь смотрит в окно, сын в телефон, подаренный бабушкой на день рождения. Смотрю на дорогу и сильнее сжимаю руль. Бесит эта беспомощность и безнаказанность.

Остановливаюсь у школы. Никита выбирается сам и убегает к друзьям, даже не попрощавшись. Потом приезжаю в детский сад. Провожая Алину до группы. Она обнимает меня за шею и не отпускает, словно боится, что я исчезну. Обещаю забрать пораньше, соглашается и бежит в группу к ребятам.

Остаюсь одна. Возвращаюсь в машину, завожу двигатель и откидываюсь на спинку, чтобы перевести дух и подумать, как все распланировать, чтобы успеть.

На телефон приходит уведомление из приложения такси. Кто-то хочет, чтобы я отвезла его. И маршрут не сложный. Но нет, днем я не работаю. Отменяю заказ и убираю телефон в карман.

На сегодня у меня два заказа. Первый — небольшой офис, надо помыть окна и полы, успеть до обеда, пока не вернулись сотрудники. Второй квартира в новостройке, генеральная уборка, возможно и чаевые хорошие дадут.

Снова уведомление. Все тот же адрес и тот же пассажир. Кто же такой непонятливый? Захожу в профиль и меня едва не сносит волной раздражения. Вчерашний гад, которого я высадила, а он еще и рейтинг мне испортил. Первая мысль встретиться и высказать все, что я думаю в лицо, но я быстро гашу ее. Не нужны мне это разборки, работать надо. Поэтому просто добавляю пассажира в черный список и выхожу из приложения.

«Выезжаю» — пишу напарнице.

«Я уже на месте» — приходит ответ.

Отлично. Включаю передачу и трогаюсь с места.

Окна в офисе открыты, ветер носится туда-сюда, шевелит документы, оставленные на столах. Мы с Мариной, надев резиновые перчатки, работаем в четыре руки. Нужно закончить побыстрее, чтобы не подводить людей, на перерывы нет времени.

Стою на подоконнике и тру стекло. Вода уже серая, холодит пальцы даже сквозь перчатки. Кожа от моющих средств потрескалась и загрубела, никакой крем не помогает. Но я не жалуюсь, это лучше, чем ничего.

— Ой, Жень, — вздыхает Марина, намыливая свое окно. — Вот смотрю я на тебя и не понимаю.

— Чего?

— Ты же модель. Зачем тебе это? Окна мыть, полы тереть. Нашла бы папика и жила бы в свое удовольствие.

Я усмехаюсь и закрываю створку.

— Марин, скажешь тоже. Не модель я больше. Закончилась сказка.

— Ну почему закончилась? Ты красивая, лицо, фигура...

— Да кому я нужна с двумя детьми, — отмахиваюсь с улыбкой. — Мне же не восемнадцать.

Она заканчивает полировку створки.

— Ну кому-то может и нужна, — бормочет между делом, любуясь своей работой.

— Хватит с меня, — прыгиваю с подоконника, поправляю ведро ногой. — Не хочу больше ждать подачки и зависеть от кого-то. Сама заработаю.

Марина качает головой, но с уважением.

— Ну ты даешь.

Снимаю перчатки и смотрю на свои покрасневшие, с заусенцами руки. Антон бы сказал, что я опустилась. Но его нет, он исчез и разрушил мою жизнь до основания. Теперь я вынуждена мыть полы и окна, потому что надо кормить детей, платить за коммуналку и лекарство Алине, а свекровь не дает ни копейки.

Дальше работаем молча, но быстро и слаженно. За сорок минут успеваем все закончить.

— Ладно, — говорит Марина, оглядывая результаты. — Вроде чисто. Давай собираться, у нас еще один объект.

— Сколько времени?

— Половина второго. Должны успеть.

Собираю все наши вещи и отношу в машину. Марина закрывает окна и дверь, отдает ключи и спускается ко мне.

— Слушай, Жень, — говорит она, переминаясь с ноги на ногу. — А можешь меня на полчасика отпустить? Надо домой заскочить...

— Конечно, беги, — улыбаюсь ей, хоть и понимаю, что нагрузка возрастет.

— Я быстро. Честно.

Ну, конечно, как всегда. Честность закончится где-то на полпути ко мне.

— Да не волнуйся, я пока одна начну.

Марина благодарно улыбается и сбегает, а я остаюсь в машине одна. В салоне играет ненавязчивая музыка, трогаюсь с места и выруливаю на главную дорогу.

Дождь лил всю ночь, дорога после него скользкая. Еду медленно и осторожно, соблюдая все правила и держу дистанцию. У меня нет права на ошибку. На выезде из района пост ГИБДД. Обычно на меня не обращаешь внимание. Да и вообще, по статистике женщин останавливают сильно реже, чем мужчин. Но сегодня даже статистика не в мою пользу, потому что машет инспектор жезлом именно мне.

Останавливаюсь и открываю окно.

— Старший сержант Григорьев, ваши документы, — бросает равнодушно.

— Я что-то нарушила? — протягиваю права и документы на машину.

— Разберемся, — забирает и обходит машину по кругу.

Лениво листает и все проверяет в планшете. Что он там хочет найти понятия не имею, но тупое раздражение уже начинает скапливаться внутри.

— Аптечка есть?

— Есть.

— Покажите.

Хочется послать куда подальше, но сдерживаюсь. Выхожу из машины, открываю заднюю дверь и достаю чемоданчик с лекарствами. Собранный по стандарту и даже еще не распечатанный.

— Откройте, нужно проверить содержимое, — говорит инспектор.

— Вы серьезно? — уточняю на всякий случай.

— Вполне, — кивает он.

Ладно. Стискиваю зубы и выполняю его просьбу. Распечатываю и открываю, показывая, что там внутри. Он бросает равнодушный взгляд на блистеры и бинты и кивает.

— Огнетушитель есть?

— В багажнике, — цежу сквозь зубы от раздражения.

— Доставайте.

Глубокий вдох и медленный выдох. Не отпускает ощущение, что надо мной просто издеваются. Открываю багажник, показывая. Он смотрит, не глядя, кивает. Потом лезет под капот.

— Что случилось, старший лейтенант? — пробую улыбнуться.

— Ничего, — бурчит он себе под нос. — Рейд.

— Я очень тороплюсь.

— Ничем помочь не могу.

Стою, сжимаю ключи, чувствую, как время уходит. Он сверяет там что-то под капотом, проверяет фары, дворники, даже давление в шинах. Руки чешутся нагрубить, но я молчу.

— Что-то еще не проверил, — задумчиво тянет он, а я едва сдерживаюсь, чтобы не запустить в него чем-то тяжелым.

— Может я уже поеду? — с нажимом говорю ему.

— Сейчас-сейчас, — бормочет он, снова вчитываясь в мои документы.

— Сорок минут прошло, — начинает сильно подгорать. — У вас что дел нет других?

— Скорее наоборот, но...

Краем глаза замечаю, что на обочине останавливается белый седан. Такси. Из задней двери выходит мужчина в дорогом костюме, опирается ягодицами на багажник и складывает руки на груди. Смотрит прямо на меня спокойно и нагло. Хищная усмешка искажает его губы, а глаза остаются серьезными.

Пара мгновений мне требуется, чтобы узнать его и все стремительно становится на свои места. Это же вчерашний гад, которого я высадила!

— Вы! — выдыхаю, и голос срывается от охватившей меня ярости.

Глава е. Руслан

Приезжаю в госпиталь к Сурову и поднимаюсь в кабинет к реабилитологу, которого Глеб считает лучшим. Мне в принципе все равно, но мнению друга доверяю.

Кабинет врача находится на втором этаже. Нахожусь без труда. Стучу. Никто не отзывается. Стучу еще раз.

— Входите, — раздается женский голос. Взрослый, скорее даже пожилой.

Открываю дверь левой рукой и вхожу. Кабинет небольшой, но светлый. Чего тут только нет: шведская стенка, несколько тренажеров, даже стол для массажа. У окна стол, на нем ноутбук, принтер и стопка карт пациентов. Рядом со столом, уперев руки в бока стоит женщина лет шестидесяти, с короткой, мужской стрижкой и пронзительными серыми глазами. На лице нет ни штриха косметики, а халат застегнут на все пуговицы.

— Азаров Руслан Викторович? — смотрит поверх очков.

— Да.

— Меня зовут Серафима Васильевна Голубева. Раздевайтесь до пояса и присаживайтесь на кушетку, — бросает строго и отходит к раковине, чтобы помыть руки.

Я не двигаюсь и смотрю на нее исподлобья.

— Вам что-то не понятно? — ее бровь вопросительно дергается.

— Вы уже видели мою медкарту. Когда я смогу вернуться к нормальной жизни?

— Нормальной понятие растяжимое, — хмыкает она. — Все разговоры после осмотра. Раздевайтесь.

— Вы не поняли... — раздраженно втягиваю воздух.

— Это вы не поняли, — перебивает, не моргнув глазом. — Я реабилитолог, а не гадалка. Моя задача посмотреть, что наворотили хирурги и травматологи и восстановить. Если вы не хотите этим заниматься — я уговаривать не собираюсь.

Смотрю на нее и недоумеваю. Обычная женщина, а ведет себя так, будто генерал в юбке, не меньше.

— Мне нужна моя рука, — цежу сквозь зубы.

— Тогда перестаньте капризничать и делайте, что я говорю.

Резонно. Сбрасываю куртку, стягиваю рубашку. Правый рукав снимаю осторожно, бандаж-рукав пока оставляю. Серафима подходит, смотрит на рубец, трогает пальцами, нажимает сильно, профессионально.

— Больно? — надавливает на плечо.

— Немного.

— Здесь? — смещается выше.

Терплю, но давление усиливается.

— Больно, — признаюсь наконец.

— Еще бы, — хмыкает она и отходит к столу, что-то записывает. — Месяц в гипсе, мышцы атрофировались. Связки укоротились. Сустав разрабатывать надо, но без фанатизма.

— Что вы предлагаете?

— ЛФК, физио, лазер, массаж. И главное каждый день по три-четыре часа упражнений. Если будете делать все по схеме, то через три месяца вернете процентов семьдесят подвижности.

— Вы издеваетесь?

— Я работаю, — она что-то ищет в своей огромной папке, а потом пододвигает ко мне. — Вот список упражнений. Придется заучивать и выполнять. Второй раз объяснять не буду.

Обреченно читаю. Сгибания, разгибания, отведения, ротации. Эластичные бинты, гантели, мячи. Как в спорте, только для инвалидов.

— Мне некогда этим заниматься, — качаю головой. — У меня служба.

— Тогда зачем вы ко мне пришли? — смотрит на меня в упор.

— Мне сказали, что вы лучшая.

— Лучшая значит не волшебница, а требовательная. Я буду гонять вас три раза в неделю. Дома будете заниматься сами. Если пропускаете — нагрузка увеличивается. И никакого нытья. Перспектива не самая привлекательная, но «рука» веский аргумент.

— Когда начинаем?

— Пройдемте, — довольно усмехается врач, а по моей спине бегут колющие мурашки.

Следующие полчаса превращаются в ад. Серафима, судя по всему, работала в гестапо и знает толк в пытках. Она безжалостна и беспощадна, заставляет меня сгибать руку, разгибать, поднимать. Потом тянуть, расслаблять. Я морщусь, иногда шиплю, но терплю. Она не обращает внимания, только отдает приказы: «Еще. Выше. Медленнее».

— На сегодня достаточно, — говорит врач наконец. — Послезавтра в это же время. Опоздаете на пять минут — не приму.

— Есть, — отвечаю с иронией и натягиваю рубашку. Тело влажное и получается с большим трудом.

— И давайте без сарказма, — Серафима одаривает меня снисходительным взглядом поверх очков. — Я ваша последняя надежда. Если не получится у меня, то уже ни у кого не выйдет.

Да уж, от скромности эта дама явно не умрет. Остается надеяться, что все не напрасно.

Выхожу в коридор. Правая рука настолько охренела, что почти не шевелится. Зато мышцы горят с непривычки.

На телефон падает сообщение. Открываю

Глеб: «Как успехи?»

Я: «Гоняла, как новобранца».

Глеб: «Терпи. Она лучшая».

А всех посмотреть было нельзя?

Телефон звонит, когда я сажусь в такси. Володин.

— Слушаю, Петр Саныч.

— Родионову твою на посту тормознули, — говорит он. — Минут на десять помурывают, а дальше или предьявлять, или отпустить.

— Услышал, — расплываюсь в улыбке. — Я успею. Спасибо.

Называю водителю новую точку маршрута. Едем туда.

Машину Родионовой вижу издали и губы сами собой растягиваются в улыбке. Впервые вижу Евгению вблизи и без кепки. Волосы собраны в хвост, лицо бледное, но глаза красивые. Очень даже.

Такси паркуется неподалеку, а я продолжаю наблюдать за своей «жертвой». Она что-то говорит инспектору, тот разводит руками. Родионова ругается, но аккуратно.

Не выдерживаю и выхожу из такси, поправляю пиджак. Обхожу машину и аккуратно опираюсь задницей на багажник, продолжая наблюдать за развернувшейся драмой.

Женя замечает меня не сразу, спорит с инспектором, а потом поворачивает голову и замирает, словно приведение увидела.

— Вы! — выдыхает она, а глаза округляются.

— Я, — усмехаюсь самодовольно.

Она поворачивается ко мне лицом, и я получаю возможность рассмотреть ее поближе, чем и беспринципно пользуюсь. Так вот ты какая, Родионова. При солнечном свете и без мешающей кепки. Красивая и утонченная, но взгляд волчий, агрессивный, пробирает до мурашек.

— Что вам от меня нужно? — голос звенит от плохо скрываемой злости.

— Мне? Ничего, — равнодушно пожимаю плечами. — Решил спросить, не нужна ли помощь.

Она хмурится, не верит. Пытается прочесть меня, но не получается. Я преподавал там, где она училась.

— От вас мне ничего не нужно, — фыркает недовольно и отворачивается.

— Что со мной не так? — не могу сдержать улыбку.

— Вы издеваетесь? — ее наконец-то прорывает. — Сначала вы мне отомстили, а теперь...

— Я? Вам? — вот это уже интересно. — И как же?

Женя на мгновение теряется, хмурится, но все же не сдается.

— Рейтинг в приложении разве не вы мне уронили?

Не я. Мелкие пакости не мои методы.

— Евгения, — говорю мягко, почти ласково. — Вы правда считаете, что мне делать нечего? Я о вас думать забыл, как только добрался до дома.

Лукавлю, конечно. Но ей об этом знать ни к чему. А вот найти «вредителя» в принципе можно. Даже интересно.

Женя подозрительно прищуривается, не верит ни единому слову, но это ее проблемы.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — смотрит на меня исподлобья.

Не выдерживаю и смеюсь. Такая она дерзкая и опасная, но больше похожа на нахохлившегося воробья.

— В приложении написано. Я же заказывал такси. У вас в профиле имя.

Она молчит и кусает губы, видимо решает, насколько можно верить моим словам. Но ответить ничего не успевает, у нее звонит телефон. Принимает звонок и отходит на пару метров. А я пока подхожу к инспектору и показываю ксиву.

— Спасибо, очень выручил, — награждаю пятитысячной купюрой. — Давай документы.

— Хорошо, — гаишник отдает мне все и уходит дальше работать.

Держу в левой руке и иду к Жене. Обрывок разговора долетает до меня.

— Да, еду уже. Скоро буду. Нет, не волнуйся.

Она поворачивается и наши глаза встречаются. Я смотрю на нее, она на меня. Доли секунды, но этого достаточно, чтобы понять — я ее не отпущу.

Евгения подходит, нервно забирает документы из моей левой руки.

— Спасибо, — бросает коротко и идет к своей машине.

Садится в салон и резво срывается с места, оставляя меня на обочине. А я стою, как идиот смотрю вслед и улыбаюсь.

— Вот же зараза, — говорю сам себе.

Глава 7. Руслан

Внутри искрит и потряхивает, будто за оголенный провод схватился. Давно не испытывал ярких эмоций после общения с женщиной. Давно все стало пресным и предсказуемым. А эта зацепила. Настолько, что захотелось продолжения.

— Молодой человек, — водитель такси подходит ко мне со пины. — Все в порядке?

— В полном, — киваю задумчиво. — Поехали.

Бросаю последний взгляд на дорогу, куда укатила Родионова и сажусь в такси. Называю адрес управления и откидываюсь на спинку. Водитель кивает и трогается с места, вливаясь в плотный автомобильный поток.

Смотрю в окно на проплывающие мимо дома и улицы, но не вижу ровным счетом ничего. Только бледное лицо Евгении Родионовой и ее золотисто-карие глаза, полные усталости и недоверия. И нет в ней ничего такого, но в груди печет от желания встретиться еще раз.

В управлении сразу прохожу к начальству. Генерал-майор Ступников уже ждет меня. Вхожу, докладываю. Он внимательно слушает, кивает и бросает внимательный взгляд поверх очков.

— Как рука, Азаров?

По инерции сжимаю пальцы в кулак и медленно разжимаю.

— В порядке, — цежу сквозь зубы. — Реабилитация началась.

— Дай бог, — кивает он одобрительно. — Присаживайся.

Сажусь на свободный стул. Генерал протягивает мне папку. Открываю левой рукой, неудобно, но приновился.

— Дело Бакина берешь на особый контроль. Он хочет получить крупный госконтракт и пойдет на все... Сделай все чисто и тихо, как ты умеешь. Думаю, препятствий со стороны прокуратуры не будет.

— Понял, — киваю без особого энтузиазма. Это лучше, чем ничего.

— И береги себя. Ты мне нужен живой.

Забираю папку и ухожу к себе. По дороге встречает Артем и провожает до кабинета.

— Доброе утро, Руслан Викторович, — тараторит он, протягивая очередную папку. — Я все нашел по Родионовой, как вы и просили. И на почту тоже отправил.

— Хорошо, — киваю небрежно. — Еще кое-что. Нужно найти человека, который испортил Родионовой рейтинг в приложении такси.

Артем округляет глаза.

— А... как я это должен сделать?

— Прояви креативность, — равнодушно пожимаю плечами. — Через час данные должны быть у меня.

— Но... — мнетя он.

— Ты хочешь здесь работать? — спрашиваю резко, с нажимом.

— Конечно, кто ж не хочет.

— Исполнять.

— Есть, — выдыхает парень и проходит дальше по коридору, я сворачиваю к себе в кабинет.

Здесь тихо и прохладно, из приоткрытого окна веет свежестью. Опускаюсь в кресло и откидываюсь на спинку, обдумывая, как лучше подобраться к Бакину. Без санкции прокурора шансов нет, но, что, если для начала пообщаться не официально?

Нахожу в списке контактов Маслова и нажимаю звонок.

— Маслов, слушаю, — раздается в динамике голос прокурора.

— Вадим, приветствую, — растекаюсь в улыбке. — Какие планы на обед?

— Азаров, — хмыкает он удивленно. — Заинтриговал, приглашай.

— Тогда в три.

— Договорились.

Сбрасываю звонок и откладываю телефон в сторону. Бакиным я займусь чуть позже, а пока нетерпится познакомиться с Евгенией Юрьевой поближе.

Открываю досье на Родионову и первые несколько секунд залипаю на фото. Их здесь целых два: портрет и в полный рост. Сканирую черты лица и останавливаюсь на глазах. Хищные, как у волчицы, а губы, наоборот, мягкие и чувственные. Контраст сбивает с толку, не позволяет выстроить в голове личную характеристику. Это и заводит сильнее всего.

Откладываю снимки, читаю анкету и сразу натываюсь на табу, семейное положение — замужем.

В смысле? Как так?

Меня словно ледяной водой окатывает. Мысль о том, что девушка может быть несвободна даже не посещала мою голову. Она совсем не похожа на ту, у которой есть мужчина.

А дальше еще и дети...

Твою мать! Что ты знаешь о детях, Азаров? Ни-че-го! А самое главное и знать-то не хочу. Не моя история совершенно.

Откидываюсь на спинку и мысленно проговариваю это слово. «Дети». Целых двое. Пять и девять лет. Ну это ни в какие ворота не лезет. Настроение стремительно портится, такой подставы я никак не ожидал.

Хочется швырнуть досье в мусорку и забыть об этой девушке, но что-то не дает. Раздраженно вздыхаю и читаю информацию дальше. Муж — Родионов Антон, пропал без вести год назад. Вот это уже интересно...

Моноotonно стучу пальцами левой руки по столешнице и напряженно думаю. Куда можно «пропасть» когда у тебя двое детей? В отчете об этом ни слова. Зато есть информация о месте регистрации, о том, где барышня работает и где учатся ее дети. Не то, чтобы меня сильно это интересовало... Да и в целом мутная история. Убираю досье в ящик и захлопываю. Пусть пока отлежится.

Открываю папку с Бакиным. Тут все сильно проще и понятнее. Стандартная схема: бизнесмен хочет получить госконтракт и предлагает чиновнику жирный откат. Классика. Такие дела я раскрывал еще когда был лейтенантом, правда масштабом поменьше. Но один хрен без санкции прокурора никуда. Маслов мужик правильный, но у него тоже есть начальство, которому придется доказывать, что овчинка стоит выделки.

Листаю бумаги, вникаю в детали. Бакин скользкий персонаж, за ним числится пара эпизодов, но каждый раз ему удавалось выходить сухим из воды. Его адвокаты монстры, буквально разрывают всех связями. Но у каждого есть слабое место. И я его обязательно найду.

Стук в дверь прерывает поток мыслей.

— Да, — рявкаю и поднимаю голову.

Артем входит в кабинет и светится, как начищенный медный таз.

— Руслан Викторович, я выяснил насчет рейтинга Родионовой.

— Докладывай, — вздыхаю, вновь мысленно возвращаясь к досье, которое убрал в ящик.

— Служба поддержки сказала, что без официального запроса они не могут дать информацию.

— Ты издеваешься? — вопросительно дергаю бровью.

— Нет, но...

— Артем, ты умный парень, — смотрю на часы, пора собираться к Маслову. — Прояви фантазию. Убеди, заплати, пригрози. Используй все возможные рычаги, но сделай так, чтобы к концу дня вопрос с был решен.

— Вы предлагаете мне нарушить закон? — он удивленно округляет глаза, а у меня появляется стойкое желание отвесить ему леща.

Детский сад какой-то. А с виду казался толковым.

— Я не предлагаю, — выдавливаю из себя. — А приказываю. Не справишься, можешь писать рапорт...

Вызываю такси, забираю папку с делом Бакина и иду к двери. В коридоре тихо, шаги отдаются глухим эхом. Я спускаюсь на первый этаж и выхожу на улицу. Такси уже ждет.

— В ресторан на Ленина, — называю адрес и отворачиваюсь к окну. В мыслях снова появляется Родионова. Вот какого хрена, а?

Глава 8. Евгения

Подъезжаю к нужному дому и паркуюсь на единственном свободном месте. Марина уже ждет у подъезда, прислонившись к стене и напряженно курит. Увидев меня, кидает окурок в урну, качает головой.

— Сколько можно ждать.

— Гаишник задержал.

— Вечно у тебя что-то не так.

Не спорю. Поднимаемся на девятый этаж. Квартира просторная, только специфически пахнет ремонтом и новой мебелью. Нам предстоит генеральная уборка перед заселением.

— Ну что, по коням? — Марина натягивает перчатки и многозначительно усмехается, оглядывая фронт работы.

— Давай.

Работаем в четыре руки быстро и слажено. Окна, полы, кухня и санузел. Мы как феи чистоты порхаем по квартире, превращая ее в жилое помещение. Пыль исчезает, окна и зеркала блестят, а мои плечи начинают неприятно ныть. Руки, не привыкшие к тяжелой работе, болят, пальцы сводит, а кожу стягивает. Но нужно доделать уборку, иначе денег не видать. Мы и так получаем всего тридцать процентов.

Бросаю небрежный взгляд на часы, управилась чуть раньше заявленного времени. Даже не верится, но вся квартира сияет чистотой. Напарница делает фотоотчет на телефон и отправляет администратору.

— Закончили, — Марина без сил опускается на пуф у двери. — Осталось дожидаться денег и день прошел не зря.

— Думаешь надолго зависнут?

Мне надо срочно купить лекарства.

— Зависит от настроения администратора и фазы луны, — заявляет она на полном серьезе.

Переглядываемся и синхронно начинаем ржать. Смех выходит скорее нервный и усталый. Нам обоим катастрофически нужны деньги.

— Слушай, Жень. А чего ты в такси днем не выходишь?

— Конкуренция больше, да и заработок меньше, — собираю ведра и прочий инвентарь.

— А вечером кто с детьми сидит?

— Свекровь.

— Ну и как она?

— Нормально, — вру, не задумываясь. Зачем ей мои проблемы? Своих по горло.

Марина качает головой, но не задает лишних вопросов. Мы не настолько близки, чтобы откровенничать. Так, случайные попутчики, можно сказать.

Выходим на улицу. Я сажусь в машину и завожу двигатель. Марина стучит по стеклу, открываю окно.

— Завтра заказ на утро, сможешь? Платят хорошо.

— Смогу, — уверенно киваю. — Пришли адрес.

— Захвати меня, поедем вместе.

— Хорошо.

Она уходит, а я откидываюсь на спинку и борюсь с желанием закрыть глаза. Потому что сразу же усну. Мне кажется, я не высыпалась уже целую вечность и хотеть спать мое перманентное состояние. В салоне тихо, только дождь снова начинает накрапывать. Внутри леденящая пустота и усталость, а еще страх, что Алина опять закашляется, а лекарства нет.

Словно услышав мои молитвы на телефон приходит сообщение о зачислении денег за сегодняшний рабочий день. Облегчение волной прокатывается по внутренностям и даже дышать становится легче.

Еду в аптеку. Очереди нет, и я подхожу к стойке.

— По рецепту, — протягиваю бумажку.

Провизор — молодая девушка с уставшими глазами, смотрит на листок, потом на меня. Кивает, уходит в подсобку. Возвращается с маленькой коробочкой.

— Вот держите. Как раз сегодня привезли.

Кручу в руках знакомую коробочку, рефлексивно читая название. Да, это именно то, что выписал врач. Без него Алина не доживет до операции. Документы на квоту приняли, но вызов обещают только в следующем году.

— Сколько? — спрашиваю обреченно.

Девушка озвучивает сумму, от которой у меня невольно дергается веко. Цена опять поднялась. Скрепя сердце достаю карту и прикладываю к терминалу. Оплата проходит и на телефон падает сообщение о списании. Мельком мажу взглядом по экрану, отмечая сколько денег осталось.

Чек пихаю в карман, коробочку с лекарством в сумку и выхожу из аптеки. Дальше в супермаркет. Покупаю самое необходимое: молоко, хлеб, яйца, макароны, сосиски. Сил нет на то, чтобы готовить что-то сложное. На кассе внимательно пересчитываю покупки и улыбаюсь. Хватает, еще и на шоколадку детям остается. Добавляю на ленту. Пусть, сегодня пятница, побалую немного.

В садике Алина уже ждет и переминается с ноги на ногу. Увидев меня, кидается в объятия.

— Мамочка!

Улыбаюсь ей и приседаю, чтобы обнять. Она кашляет, прямо в плечо, надрывно, сухо.

— Все, все, — глажу по спине. — Сейчас лекарство выпьем. Поедем домой.

В машине достаю коробочку, набираю в шприц суспензию и вливаю в рот Алине, она морщится.

— Не вкусно.

— Зато кашель пройдет.

Она кивает и доверчиво прижимается ко мне. Целую ее в макушку, пристегиваю в детском кресле и сажусь за руль.

Приезжаем домой, а там тишина. Свекровь в своей комнате. Не выходит и слава богу. Никита высовывается в коридор и улыбается.

— Вы пришли, — говорит таким голосом, как будто могло быть иначе.

— Конечно, — треплю его по волосам и целую в макушку. — Отнеси на кухню, я пока сестру раздену.

Сын берет пакет и, что-то там пыхтя, уносит на кухню. Раскладывает продукты по местам и комментирует каждый купленный мной товар. Отправляю Алинку мыть руки, а сама иду на кухню.

— Уроки сделал?

— Делаю.

— Давай, а я проверю.

Фыркает и уходит в комнату, а я принимаюсь за ужин. Быстро готовлю макароны с сосисками, нарезаю салат из огурцов и помидор. На десерт делю шоколадку на три части, но себе беру самую маленькую, чтобы потом отдать им обратно. Накладываю и зову детей к столу.

Ужинаем молча, дети хотят съесть быстрее, чтобы получить сладкое.

Свекровь приходит к нам, садится за стол, бросает быстрый взгляд на наши тарелки.

— Опять макароны? — фыркает недовольно.

— Почему нет? Нам нравится, — отвечаю спокойно. — На вас тоже хватит. Если хотите, конечно.

Она поджимает губы, но накладывает себе порцию.

После ужина рисую с Алиной, чтобы хоть чуть-чуть провести время вместе. Никита доделывает уроки только с моей помощью. Математика дается ему нелегко, приходится сидеть над задачами почти до девяти. Потом читаю дочке сказку и укладываю спать, засыпает мгновенно. А я глажу ее по волосам и нежно целую в висок. Так не хочется оставлять одну, но я должна...

Выхожу в коридор. Никита уже в пижаме, трет глаза.

— Мам, а когда папа вернется?

Внутри все обрывается. Смотрю на полные надежды глаза сына и не могу соврать. Не получается, но и правды у меня для него тоже нет.

— Не знаю, сынок, — говорю тихо и притягиваю его к себе. Не хватает ему отца, мужской руки, мужского внимания, защиты. Нам всем не хватает...

— Он же не бросил нас?

— Конечно нет, — качаю головой, хоть и нет былой уверенности. — Не бросил. Просто... случилось так, что он пока не может вернуться.

— Ты же мне не врешь? — хмурится сын.

— Не вру.

Прижимается теснее, а я целую его в макушку.

— Ложись спать. И следи за сестрой, — смотрю в глаза. — Если что, сразу звони мне.

— Хорошо, — зевает он и уходит в комнату к Алине.

Прохожу мимо комнаты свекрови, точнее пытаюсь прокрасться незамеченной, но от нее так просто не уйти.

— Шалава, — бросает, не удостоив меня взглядом. — По ночам таскается, а дети одни.

— Я работаю, — цежу сквозь зубы. Головой понимаю, что нельзя вестись на провокации, она все это делает специально. Но не получается, каждое слово попадает точно в цель и цепляет за живое.

— Работает она, — хмыкает снисходительно. — Проститутка. Постеснялась бы хоть, дети в доме, а ты все туда же.

— Не вам меня судить, — беру ключи, надеваю кепку и выхожу из квартиры.

Спускаюсь вниз и щелкаю брелоком. Машина приветливо мигает фарами. Сажусь в салон и завожу двигатель. Открываю приложение такси, смотрю на свой рейтинг и не верю своим глазам.

4,9... Не может этого быть! Выхожу и захожу заново, наверное, какая-то ошибка. Но ничего не меняется, рейтинг по-прежнему остается высоким. Но как это возможно?

Откидываюсь на спинку и барабаню пальцами по рулю. Кто-то исправил оценку? Неужели тот «пиджак» сжалился? Но с чего бы?

Глава 9. Руслан

Вхожу в ресторан и привычно сканирую пространство. Народу немного, занято всего пара столов, хоть и время обеденное. Маслов сидит на своем привычном месте, в углу зала, подальше от посторонних глаз. Киваю администратору и иду к нему.

— Приветствую, Вадим Юрьевич, — улыбаюсь я.

Он поднимает голову, отрываясь от экрана телефона и встает. Протягивает руку, пожимая левой.

— Здравствуй, Руслан Викторович.

Опускаюсь на соседний стул. Официант приносит меню.

— Может быть что-то сразу?

— Ты заказал? — спрашиваю друга.

— Бизнес-ланч и кофе.

— Мне тоже самое, — возвращаю меню. Официант кивает и удаляется.

Мы остаемся наедине, самое время начать разговор.

— Как сам? — спрашиваю, откидываясь на спинку.

— Да нормально, — Вадим небрежно пожимает плечами.

— Майя не сменила гнев на милость?

Он не отвечает, жестом дает понять, что эта тема слишком болезненна и обсуждать ее не намерен. Я не настаиваю.

— Твоя рука как?

— В порядке, — говорю спокойно, но раздражение глухо отдается внутри. Это мое табу и Вадим это понимает.

— Ладно, не будем о грустном, — отмахивается он. — Зачем звал?

— Дело есть на пять тысяч баксов, — усмехаюсь я.

— Это я и так понял, — Вадим берет бокал с водой и делает несколько глотков. — Пояснишь?

Двигаю по столу папку с делом Бакина.

— Вот, посмотри.

Прокурор открывает и листает материалы. Внимательно изучает, вчитывается, хмурится. Потом поднимает на меня глаза.

— От меня чего хочешь?

— Содействия, — развожу руки в стороны. Все очевидно.

— Кому-то сверху этот Бакин перешел дорогу?

— Похоже на то, — пожимаю плечами, мне, в сущности, все равно. — Но нас это не касается. Надо просто сделать свою работу.

Вадим закрывает папку, кивает.

— Согласен. Делай запрос, я подпишу.

— Отлично. Спасибо.

Официант приносит заказ. Едим и беседуем на нейтральные темы, это расслабляет. Получается немного выдохнуть и переключиться.

Приносят кофе, Маслов едва успевает сделать пару глотков, как смотрит на часы и округляет глаза.

— Ого. Мне пора, — поднимается на ноги.

Тоже встаю, пожимаем руки.

— Держи меня в курсе, — просит Вадим.

— Обязательно.

Он уходит. Я остаюсь допивать кофе.

Возвращаюсь в управление. В голове непрекращающийся гул из рабочих вопросов, но где-то на периферии сознания опять появляется Евгения. Еще не хватало, отбрасываю ненужные мысли в сторону и сажусь на стол.

Открываю папку с делом Бакина, проверяю схему откатов и читаю показания свидетелей. Вникаю, но мысли разбегаются, слишком их много.

Ухожу с головой в работу. Звонки, бумаги, запросы. Артем приносит документы, пролистываю и подписываю. Он забирает, но не уходит. Топчется на месте.

— Что-то еще? — поднимаю на него глаза.

— Руслан Викторович, по вашему поручению. Рейтинг Родионовой исправлен.

— Хорошо, — киваю я. — Свободен.

Справился и молодец. Как он это сделал мне совсем не интересно. Только результат. Артем уходит, а я откидываюсь на спинку кресла и смотрю в потолок. Какого хрена я творю а? А главное зачем? Далась мне эта таксистка...

Нихрена не отпускает. Вот же... заноза! Достая из ящика досье Родионовой и снова открываю. Рассматриваю фотографию, изучая черты лица. Ну обычная же! Никакой невъебенной красоты. Самая обычная, среднестатистическая баба, но я смотрю на нее и не могу отвести взгляд. Под кожу пробралась и печет, глаза еще эти, волчьи. Пиздец какой-то!

Раздраженно отшвыриваю фотографию и беду сводку данных. Нахожу информацию по мужу. Родионов Антон Владимирович. Пропал почти год назад и больше никакой информации. Ничего не понятно, но очень интересно.

Недолго думая, открываю служебную почту. Составляю официальный запрос, чтобы проверить Антона Родионова по всем базам. Мне нужно все, возможное местонахождение, обстоятельства исчезновения, возможные контакты. Ну и конечно вся подноготная, которая имеется на него в базе. Отправляю.

Пусть разбираются. Мне нужна полная картина. Кто этот человек? Куда делся? Почему бросил жену с двумя детьми?

Ответа ждать придется долго, но что-то мне подсказывает, что все это неспроста. А я, кажется, засиделся. Смотрю на часы — почти десять. Рабочий день давно закончился, но домой совсем не хочется. Там меня ждет пустая квартира, больная рука и мысли о Волчице. Оно мне надо?

Хочется ответить: «нет»! Но руки тянутся к телефону, чтобы вызвать чертово такси и получить свою порцию дофамина.

Спускаюсь, выхожу на крыльцо и невольно замедляюсь. Внизу, прижавшись к бордюру, стоит знакомый белый седан. Улыбка сама по себе расплзается на лице.

Открываю заднюю дверь, сажусь. В салоне пахнет ароматизатором, запах не резкий, но навязчивый. В зеркале заднего вида ее глаза. Янтарные, внимательные, с хищным блеском. Волчица.

— И снова здравствуй, Евгения, — хищно скалюсь я.

— Добрый вечер, — она усмехается краем губ. — Хамить не будете?

— Как пойдет.

Глава 10. Руслан

Машина плавно трогается с места, а я откидываюсь на спинку и как под гипнозом слежу за женскими пальцами на руле. Нежные, изящные, созданные для поцелуев и ласк. На пару мгновений уплываю в свои фантазии, но быстро возвращаюсь в реальность.

Перемещаю взгляд в зеркало заднего вида и рассматриваю водителя. Кепка надвинута низко, глаз больше не видно, но губы сжаты в тонкую линию. Евгения явно недовольна моей компанией, но никак не комментирует. Сосредоточенно ведет авто, соблюдая все правила. Даже не придираться.

Снова смотрю на ее руки. Это какой-то отдельный фетиш для меня. Тонкие запястья, длинные пальцы, сжимающие руль. На левом часы, мужские, громоздкие. На правом нет ничего, кольца не видно тоже. Сняла или просто не носит?

— Евгения, — нарушаю тишину.

— М-м-м? — не оборачивается, лишь мажет по мне взглядом сквозь зеркало.

— Ты давно за рулем?

— Достаточно.

— Достаточно — это сколько?

— Лет с пятнадцати, — бросает равнодушно. — И ни одной аварии.

— Похвально, — усмехаюсь я.

Родионова бросает быстрый взгляд в зеркало, в глазах опасные колючки, а я усмехаюсь.

— Просто хочу понять, кому доверяю свою жизнь.

— Тогда не стоило садиться в такси, — парирует она. — Можно и свою купить.

— Тогда у тебя не было бы работы.

— Вы же не один, ей-богу.

Огрызается. Интонация мурашками разбегается по коже. Черт возьми, как же она мне нравится.

Я смотрю на ее профиль: скулы, подбородок, шея, из-под воротника куртки виднеется тонкая цепочка. Кожа бледная, а под глазами тени.

— А муж? — спрашиваю, не отводя взгляда. — Он не переживает, что ты ночами ездешь?

Она молчит. Секунду, другую. Потом отвечает холодно:

— Это не ваше дело.

Справедливо, но меня такой ответ не устраивает. Мне нужно больше информации. Живой, настоящей. Чтобы понять, что происходит в жизни этой девушка. Зачем мне это? Сам пока не понял, но не отпускает, значит придется разобраться до конца.

— Не бойтесь, я профессионал и ничего с вами не случится.

— Уже случилось, — бормочу себе под нос и отворачиваюсь к окну.

Родионова молчит, слышно только, как тяжело дышит и перемещает руки по рулю.

— Муж пропал, — бросает она наконец. — Год назад. Довольны?

Я не отвечаю. Доволен ли я? И да, и нет. Но внутри что-то щелкает, выстраивая события в нужном порядке. Если она говорит пропал, значит не ушел и не бросил ее. Скорее всего, она не знает, где он. А вот хорошо это или плохо... тут уж для кого как.

— А вы? — вдруг спрашивает Женя. — Жена не переживает, что вы по ночам катаетесь?

Вибрация пробегает по внутренностям. Интерес, оказывается, обоюдный. Тем лучше.

— Нет жены.

Она удивленно дергает бровь, ловлю этот жест в зеркале заднего вида.

— Разведен, — добавляю осторожно. Не в моих правилах делиться личным, но ей рассказываю, потому что уже принял важное решение. Пусть знает все на берегу.

— А дети?

— И детей тоже нет, — хмыкаю я и склоняю голову в бок. Я изучаю эту Волчицу, а она изучает меня. Буквально в лоб. Есть ли у нее скрытый мотив? Возможно. Но игра интересная.

— Ни жены, ни детей, свобода, — говорит она, а в голосе горечь. Болезненная для нее тема, даже издали ранит.

— Ты считаешь это свободой?

— А вы нет? — звучит как будто бы с вызовом, но с чего вдруг?

Отвожу взгляд и задумываюсь. Я никогда не хотел детей. С моей работой и уровнем опасности это лишнее, да и тема продолжения рода никогда не стояла для меня остро. Нет во мне всех этих ванильных соплей. Масса людей хотят быть родителями, вот пусть они и рожают детей. Возможно поэтому и жена ушла...

Взглядом цепляюсь за скомканный листок бумаги на полу, за водительским креслом. Наклоняюсь, поднимаю, там скомканный чек из аптеки. Цена препарата незнакомое, но цена впечатляет даже меня.

— Что это? — верчу в пальцах.

Родионова бросает взгляд в зеркало.

— Не ваше дело. Положите, где взяли.

Убираю чек в карман, потом спрошу у Глеба, что это еще за скелеты в шкафу у моей Волчицы. Прямо коробка с сюрпризами какая-то.

— Вы не имеете права, — метает в меня раздраженный взгляд и поджимает губы.

Смотрю на ее напряженные плечи, на руки, сжимающие руль и ловлю себя на мысли, что мне нравится в ней все. Образ, злость, беспомощность, даже ее колючки, которые не могут меня уколоть, а только раздражают.

— Ты не боишься вечером ездить? Темно, пассажиры попадают разные.

Раздраженно фыркает.

— Это мои проблемы.

— А если что случится? А у тебя двое детей. Не безопасно.

Она сильнее сжимает руль, но не отвечает.

— Сколько ты тут зарабатываешь? — рассуждаю вслух. — С такими рисками.

Родионова тормозит у моего подъезда, но не оборачивается. Атмосфера в салоне стремительно меняется, как перед грозой. Воздух становится плотным и искрит от напряжения.

— Приехали.

Я не выхожу. Сажу, смотрю на нее. Не хочу ее отпускать. Это какая-то магия.

— Я готов предложить тебе работу, — выдавливаю то единственное, что крутится в уставшем мозгу. — Высокооплачиваемую и более безопасную.

— Ты охренел что ли? — Женя оборачивается и смотрит на меня так, словно готова вцепиться в шею. — Убирайся из моей машины.

В глазах полыхает опасное пламя, на губах появляется хищный оскал. Ну точно волчица. Все равно моей будет, хоть пока этого и не понимает. Я и сам не понимаю до конца, но где-то глубоко внутри уже присвоил ее, осталось только укротить опасного зверя.

— Я попытался по-хорошему, — язвительная усмешка появляется на моих губах. — Ты не оценила.

В салоне пахнет ею. Ее аромат повсюду, даже запах ароматизатора не перебивает его. Жадно втягиваю его носом, и жесткая пружина внутри расслабляется. Кайфую. Млять, утекаю от ее запаха, от нее злости и того, как она меня сейчас ненавидит. Эти чистые, не завуалированные эмоции сносят меня в экстаз.

— Послушайте, мне работать надо, — устало выдыхает Женя. — Уходите. И больше...

— Теперь ты будешь работать на меня, — перебиваю я. — И только на меня.

Решение рождается само собой. Четкое и единственно-верное в данной ситуации. Долгие ухаживания, цветы и прочая муть сильно устаревший формат. Мне он не подходит.

— Еще чего. Размечтался! — фыркает Женя, еще не зная, что выбора у нее нет.

— Или лишишься прав, — ее глаза возмущенно округляются. — Для начала...

— Да кто в вообще такой?

— Подполковник Азаров, — показываю ксиву. — ФСБ.

Глава 11. Евгения

Я смотрю на удостоверение и фотографию Азарова, внутри все обрывается. Подполковник. ФСБ. Охренеть... Значит он не просто случайный пассажир, а человек с реальной властью, который может лишить меня не только прав, но и вообще всего.

— Вы... — голос дрожит от ярости. — Вы конченный, слышите? Конченный!

Он спокойно убирает ксиву в карман и даже бровью не ведет.

— Знаю.

— Я таких, как вы, презираю, — выплевываю с отвращением. — Пользуетесь положением, давите на людей, шантажируете.

— Я тоже таких не люблю, — усмехается этот напыщенный урод. — Но это ничего не меняет.

— Сволочь! Гад!

— Еще какой. — Он смотрит на меня, не моргая. — Но мне нужен личный водитель и это будешь ты.

— Ни за что! Да я лучше... я...

— Наговорилась?

От его равнодушной интонации я замираю. Дыхание прерывистое, а руки предательски дрожат. Азаров терпеливо ждет, пока я возьму эмоции под контроль, а потом продолжает, как ни в чем не бывало.

— Твою истерику я терплю в первый и последний раз, — его голос становится жестким. — В следующий раз будут санкции. Завтра в восемь утра ты здесь. Ключи от машины я предоставлю. Расходы компенсирую.

Нет, это все не по-настоящему, это какой-то сюрреализм. Так не бывает. Это просто невозможно.

— Послушайте... — выдыхаю я и сжимаю переносицу пальцами. Может это какой-то розыгрыш?

— Нет, это ты послушай, — грубо перебивает Азаров. — С завтрашнего дня ты работаешь на меня. И только на меня. В любое время, когда мне понадобится машина. Поняла?

— Нет, — цежу сквозь зубы. — Мне это не подходит. У меня своя жизнь и я не буду...

— Достаточно. Я все сказал. — Он достает визитку и опускает в подстаканник. — Мой номер на всякий случай.

Я смотрю на нее, но не собираюсь дотрагиваться.

— Завтра в восемь, — звучит холодный приказ. — Без опозданий.

Азаров выходит из машины и хлопает дверью. Идет к своему подъезду и не оглядывается. Я провожаю его взглядом, сжимаю руль и прерывисто дышу.

— Тварь, — шепчу. — Конченный ублюдок.

Давлю на газ и срываюсь с места. Наворачиваю круги по городу, чтобы немного остудит внутренний котел, который работает на максимуме. Красный свет, зеленый, снова красный. Я слежу за дорогой, но перед глазами то и дело появляется спокойное лицо Азарова, его усмешка и взгляд такой пронзительный, будто добирается до костей.

— Ненавижу, — говорю вслух. — Ненавижу таких.

Волна адреналина сменяется холодным расчетом. Я же не идиотка и прекрасно понимаю, что ссориться с подполковником ФСБ себе дороже. Он не шутит. У него есть доступ, рычаги, связи. Если захочет может сильно усложнить мне жизнь. Но прогнуться, быть его прислугой, или еще хуже личной шлюхой на колесах тоже не вариант.

— Вот же влипла, — шепчу сама себе. — Антон, ну, где ты, мать твою!

Еду дальше. Телефон пиликает на приборной панели. Новый заказ. Соглашаюсь, не глядя, мне надо отвлечься.

Подъезжаю к адресу. Пассажир уже ждет. Тот самый, что недавно просил номер телефона, а я отказала. Садится на заднее сидение.

— Здравствуйте, — говорит он

— Здравствуйте, — киваю я и выстраиваю маршрут до точки.

— Я это... — мнется он. — Хотел извиниться.

— За что? — трогаюсь с места и выруливаю на проспект.

— За единицу. Я поставил вам единицу. Из-за того, что вы не дали свой номер.

— В смысле вы?

На мгновение теряюсь. Придуманная картинка искажается и не больше не кажется идеальной.

— Я уже все исправил. — Смотрит виновато. — Вы извините, погорячился. Не надо было... — замолкает.

— Хорошо, — бормочу невнятно.

Дальше едим молча. Мужчина выходит у своего дома, оставляет чаевые. Я смотрю на купюру, потом на телефон.

Рейтинг снова 4,9. Ни чего не понимаю, но сил разбираться больше нет. Устала.

Подъезжаю к своему дому и глушу двигатель. Смотрю на визитку, лежащую в подстаканнике. Беру в руки, кручу в пальцах. «Руслан Азаров. Подполковник ФСБ». Номер телефона и электронный адрес.

— Завтра в восемь? — говорю в пустоту и усмехаюсь.

Убираю визитку в карман и выхожу из машины. Поднимаюсь в квартиру, дети спят, свекровь не выходит из своей комнаты, чтобы высказать свое очень важное мнение. Прохожу на кухню, наливаю чай, сажусь к окну. За стеклом ночной город, тусклые фонари, редкие машины. Я смотрю на них и не вижу ничего.

Перед глазами надменная физиономия подполковника. Сжимаю кружку чуть сильнее и вспоминаю его взгляд в зеркале. Тяжелый, цепкий, пробирается под кожу и видит насквозь, как рентген.

— Ненавижу, — шепчу сама себе, но уже не так уверенно.

Допиваю чай и иду в комнату. Дети спят. Поправляю одеяло Никитке, он что-то бормочет во сне. Глажу по голове Алину.

— Все будет хорошо, — шепчу я. — Мама справится.

Утром звенит будильник. Нахожу на ощупь и отключаю. Я не выспалась, глаза слипаются, но все равно встаю. Никто за меня это не сделает. Быстро принимаю душ, возвращая себе хотя бы часть утраченных сил. Пока готовлю завтрак, выпиваю крепкий кофе, а потом бужу детей. У них выходной, но потом накормить их будет некому.

— Мам, ты чего такая? — Никитка смотрит внимательно.

— Все нормально. Ешьте.

Свекровь выходит из комнаты, бросает привычное: «Опять всю ночь где-то шлялась». Ничего не отвечаю. Снова беру визитку Азарова, смотрю на нее и перечитываю. «Руслан Азаров. Подполковник ФСБ».

«Пошел ты, подполковник...» — мысленно говорю я, комкаю визитку и кидаю в мусорное ведро. Промахиваюсь, визитка падает за него, но поднимать я не хочу. Из вредности. Не сейчас.

— Никит, мне нужно на работу, — перехватываю внимательный взгляд сына. — Присмотришь за сестрой?

— Конечно, мам, — кивает он.

Целую детей по очереди, забираю сумку и под снисходительным взглядом свекрови иду к двери. На улице достаю телефон, вызываю такси.

Глава 12. Руслан

Поднимаюсь к себе. Квартира встречает привычной тишиной. Сбрасываю куртку и прохожу на кухню. Наливаю стакан воды и залпом осушаю. Рука неприятно ноет, надо разминать иначе реабилитолог меня живьем сожрет.

Достаю эластичный бинт и сажусь на диван. Начинаю с простого, сгибаю и разгибаю пальцы правой руки, потом кисть, потом локоть. Медленно, сосредоточенно, как показывала Серафима. Боль привычная, но каждый раз будто заново приходится проживать тот миг, когда пуля вошла в плечо.

— Терпи, Азаров, — бормочу себе под нос. — Не ты первый, не ты последний.

Делаю перерыв, смотрю в потолок. Мысли плывут в сторону Родионовой. Ее руки на руле, пальцы тонкие, напряженные. Как смотрела на меня с ненавистью и одновременно с каким-то диким, необъяснимым интересом.

— Хищница, — шепчу сам себе и растекаюсь в опасной усмешке. — Я тебя приручу.

Вспоминаю про чек, который нашел в салоне ее автомобиля. Нахожу его и достаю телефон. Нахожу номер Глеба.

— Суров, слушаю.

— Дело есть. Помоги с лекарством, — диктую название. — Что это?

Глеб молчит, будто зависает на пару секунд.

— Зачем оно тебе? — спрашивает наконец.

— Не важно, просто ответь.

— Руслан, это не аскорбинка. — В голосе друга появляются профессиональные нотки. — Серьезный препарат. Его применяют при отеках, при сердечной недостаточности, при проблемах с почками, при гипертонии. Спектр широкий. — Пауза. — Тебе оно точно не нужно?

— Да я не о себе, — отмахиваюсь.

— Ладно. Будь осторожен, это не шутки.

— Понял. Спасибо.

Сбрасываю звонок и смотрю на темный экран. Сердечная недостаточность. Отеки. Проблемы с почками. Совсем не легкое недомогание.

— Ну и что из этого списка относится к тебе, моя Волчица? — спрашиваю в пустоту.

В ответ тишина. Ладно, надо узнать. В деле про здоровье ничего не было, или я не обратил внимание. Завтра перепроверю все, а пока надо доделать упражнения.

Ночью ворочаюсь с боку на бок. Сон не идет, мысли заполнили черепную коробку под завязку и не отпускают. Рука еще ноет после упражнений, а лимит обезбола на сегодня закончился.

Уснуть удастся с большим трудом, но просыпаюсь заряженным и еще до будильника. Привычка, выработанная годами. Лево́й ладонью тру лицо и иду в ванную. Долго смотрю на себя в зеркало, словно вижу впервые. Помятый, обросший, под глазами мешки. Надо сходить в барбер, привести себя в порядок, но не хочется контактировать с людьми. Уровень агрессии зашкаливает в последнее время, после ранения стало раздражать все вокруг. Да я и сам себя бешу частенько, но приходится терпеть.

Умываюсь тщательнее обычного. Одеваюсь: темные брюки, светлая рубашка. Правая рука почти не участвует, наловчился пуговицы застегивать левой. Пиджак накидываю поверх, чтобы скрыть неровности.

Наливаю себе кофе и отхожу к окну. Наблюдаю за тем, как город просыпается. Выходной день, а люди все равно спешат по своим делам. Не спится же им.

Бросаю нервный взгляд на часы. Еще полчаса, но внутри неприятно скребет. Волнение? Или снова раздражение? Не могу идентифицировать, но одно знаю точно. Если бы кто-то мне

сказал, что я, подполковник ФСБ буду переживать из-за какой-то таксистки, рассмеялся бы в лицо.

Допиваю кофе, беру ключи от своей тачки и выхожу раньше на десять минут. Покурю пока, машину заведу. Да просто надоело ждать, а Женя может вообще приехала раньше и ждет меня у подъезда.

Выхожу. У подъезда пусто, ни души. Закуриваю и выдуваю сизую струю в верх. Ладно...

Иду к своей машине, щелкаю брелоком и сажусь в салон. Нажимаю кнопку запуска и открываю окно. Сижусь и курю, а минуты липнут друг к другу.

Восемь ноль пять. Восемь десять и никого.

— Да чтоб тебя, — цежу сквозь зубы.

Еще я за бабой не бегал! Но все же достаю телефон и набираю ее номер. Сбрасывает. Еще раз. Снова тишина.

— Родионова, ты издеваешься?

Смотрю на часы. На полчаса уже опаздывает. Какого хрена? Я разве не предупредил, что не терплю подобное?

Скриплю зубами от злости и пишу сообщение Артему:

«Срочно пробей мне местоположение Родионовой по номеру телефона. И тачку ее заодно»

Откидываюсь на спинку и закуриваю еще одну сигарету. Скоро покапает, млять, из всех отверстий. Но никотин хоть как-то приглушает шипящие внутри эмоции.

Спустя несколько минут приходит ответ: «Машина стоит у ее дома. Не двигалась с ночи. А телефон в другом конце города. На Гастелло».

Я смотрю на экран. Сжимаю телефон так, что пластик скрипит.

— Ах ты ж... твою мать! — цежу сквозь зубы и крепко затягиваюсь. — Продинамить меня решила?

Не стоит со мной играть, детка. Все равно проиграешь.

Откидываюсь на подголовник и тяжело дышу. Хочется рвануть по адресу нахождения и устроить разнос этой девчонке. Но я торможу себя, ни к чему это сейчас. Я подожду...

Такси подъезжает через пару минут, сажусь в салон и называю адрес управления. Еду, глядя в окно и злюсь на себя за то, что позволил этой женщине вывести меня из себя.

В управлении прохожу к себе, не глядя по сторонам. Нужно заняться работой, буквально заставляю себя открыть дело Бакина, но мысли утекают в другую сторону. Крутятся вокруг Родионовой, о том, как найду ее и что с ней сделаю. Вариантов так много, что никак не выберу самый вкусный.

После работы, еду на такси к ее дому. Ее машина стоит на месте, уткнувшись бампером в бордюр. Выхожу на улицу, обхожу тачку, все с ней в порядке. Значит специально оставила.

Смотрю на окна и пытаюсь вычислить какие из них принадлежат моей Волчице. Могу подняться или позвонить, но не хочу этого делать. Просто стою и жду, чего пока и сам не знаю.

Глава 13. Руслан

Вечер опускается на город липкой, удушающей мглой, а внутри меня медленно закипает злость. Но не на Женю, а на себя. За то что позволил этой женщине залезть под кожу. За то, что жду ее у подъезда, как мальчишка на первом свидании. Но больше всего за то, что ей это нахрен не надо.

Рука ноет глухо и монотонно. Я машинально массирую плечо, но боль не утихает. Телефон вибрирует в кармане. Глеб.

— Не надоело киснуть? Погнали в клуб?

— Какой еще клуб? — огрызаюсь, хотя внутри становится легче.

— Хороший. Маслов подтянется. Втроем посидим мужской компанией. Надо же тебя из берлоги вытащить.

Первый порыв отказаться, но дома меня ждет пустая квартира, бутылка вискаря и мысли о ней. В клубе хотя бы можно попробовать переключиться.

— Лады, — сдаюсь я. — Диктуй адрес.

Клуб оказывается уютным заведением в центре, с приглушенным светом, кожаными диванами и ненавязчивым стриптизом. Народу немного, всего несколько столиков занято, играет тихая музыка, в углу за барной стойкой бармен протирает бокалы. Глеб уже сидит за столиком в дальнем углу, развалившись на диване, с бокалом в руке. Выглядит довольным и расслабленным. Судя по всему, семейная жизнь пошла ему на пользу.

— Ну, наконец-то, — усмехается он, когда я плюхаюсь напротив. — Я уж решил, что ты передумал.

— Как видишь. — Я откидываюсь на спинку, закидываю ногу на ногу.

— Как рука?

— Болит, — честно признаюсь. — Но я не жалуюсь.

— Терпи, брат, скоро станет легче, — Он подзывает официанта. — Бутылку виски закуски какой-нибудь.

Разливаем, чокаемся. Откидываюсь на спинку и залпом опустошаю бокал. Прикрываю глаза, смакуя послевкусие.

— Что-то случилось? — доносится голос Сурова.

— Нет, — смотрю на него сквозь ресницы. — С чего ты взял?

— Выглядишь загруженным...

— На работе запара, — цокаю я и сажусь, чтобы налить себе еще. — Не бери в голову.

Вскоре подтягивается и Маслов. Широкоплечий, с каменным лицом, даже не здоровается, просто опускается на диван, наливает себе в бокал и делает большой глоток. Под глазами у него залегли глубокие тени, словно не спал несколько ночей.

— Вадим, ты чего? — спрашивает Глеб, прищурившись. — Помощь нужна?

— Нормально, — цедит тот, не глядя на нас.

— Опять из-за Майи? — отхлебываю виски.

Маслов молчит, только желваки на его скулах ходят ходуном. Он сжимает бокал в пальцах и осушает одним глотком. Да уж, эта девчонка с ума его свела окончательно.

— Все так плохо? — не отстает Глеб.

— Она кремень, — выдыхает Вадим, наконец поднимая глаза. — Ни в какую. Прошло столько времени, а она... — он запинается, — не может забыть. Не может простить.

— А ты пробовал поговорить с ней по душам? — спрашиваю я, хотя сам знаю, как это сложно.

— Нет. — Он качает головой. — Я не готов к таким разговорам.

— Тогда чего ты ждешь? — Глеб отставляет бокал, подается вперед. — Пока Майя сама к тебе придет?

— Не знаю. Не спрашивай.

Мы замолкаем. Пьем. Где-то в динамиках звучит медленная, тягучая мелодия, девушка в коротком черном платье проходит мимо, бросает короткий, призывный взгляд на нашу компанию, но никто не реагирует.

— Ладно, хватит обо мне, — Маслов отмахивается, как от надоедливой мухи, и поворачивается ко мне. — А ты что такой кислый? Только не говори, что из-за бабы?

Так и подмывает сказать, что ему показалось и у меня все в норме. Свалить свое настроение на травму, но внутри так полыхает, что промолчать не получается. Делаю глоток, потом еще. Виски обжигает горло, разливается теплом по груди, смешивается с тем пожаром.

— Я залип, — говорю наконец, глядя в стол. — Как пацан. На самой неподходящей женщине на свете.

Глеб усмехается, но в глазах мелькает понимание.

— Это как? — хмурится Вадим.

— Таксистка. — Я усмехаюсь собственной глупости. — Мать двоих детей, замужем.

Вкратце пересказываю наши короткие взаимоотношения.

— Почему ты решил, что она неподходящая? — Глеб поднимает бровь.

— Да все! — огрызаюсь я, чувствуя, как внутри разливается раздражение. — Где я и где дети? Да и с мужем не все ясно.

— И что? — Маслов оживает, отставляет бокал. — А тебе какая нужна? Гламурная фифа с силиконом и ботексом?

Неприятно морщусь, живо представляя себе одну такую как из инкубатора.

— Да никто мне не нужен, — фыркаю я. — Одной сыт по горло.

— Да сколько можно вспоминать? — хмурится Вадим. — Наташка ушла и скатертью дорога, столько крови выпила.

Тут трудно спорить. Эта стерва всю душу из меня вытрясла. Конченная.

— А что ты планируешь делать? — спрашивает Глеб, медленно покручивая бокал в руке.

— Разве нужно что-то делать? — Я округляю глаза, изображая удивление. — Она ясно дала понять, что мое предложение ее не интересует. Послала, по сути.

— И что? Даже не дожмешь? — хмыкает Маслов, глядя на меня с хитринкой.

— Какой в этом смысл? — Я пожимаю плечами. — Скрутить и трахнуть? Не интересно. В сексе я предпочитаю взаимность.

— Иногда женщине нужна помощь, — замечает Глеб, глядя в свой бокал. — Даже если она отчаянно от нее отказывается.

— Какой ты, Сура, душный, — усмехаюсь я, но его слова цепляют за живое.

Они оба знают, о чем говорят. Глеб вытащил свою Стасю из ада, из лап мужа-тирана, из чувства вины и долга. Маслов годами пытается достучаться до Майи, которая ненавидит его за то, что он не спас ее брата. У каждого своя война. У каждого свои шрамы. У меня тоже есть, глубокие и безобразные. Но почему-то мысли о Волчице не бередают их, а скорее наоборот обезболивают.

— Ладно, — я поднимаю бокал. — За нас.

— За нас! — Глеб чокается.

— Чтобы никогда не сдаваться, — добавляет Маслов, и в его глазах мелькает что-то живое, настоящее.

Мы пьем. Потом еще. Говорим о работе, о политике, о всякой ерунде, которая не имеет значения, а я все думаю о Волчице, которая не пришла. О чеке из аптеки.

«Иногда женщине нужна помощь, даже если она от нее отказывается».

Может, Глеб прав. Может, я просто не тем методом пошел? Может надо не шантажом, не давлением, а чем-то другим. Тем, что заставит ее принять помощь не как унижение, а как... что? Я пока не знаю. Во мне столько алкоголя, что сложно соображать.

Домой возвращаюсь поздно. Раздеваюсь, ложусь на кровать и смотрю в потолок. Мысли плавают в цистерне вискаря и тонут там же. Но все равно стало немного легче. Я словно перестал бороться и неизбежным и принял главное. Эта женщина — моя война. И я не могу ее проиграть. Осталось только понять, что сделать для того, чтобы выиграть.

Глава 14. Евгения

Марина ждет у подъезда и курит, прислонившись к стене. Увидев меня, кивает, бросает окурки в урну и забирается на заднее сиденье.

— Доброе утро, — говорю с улыбкой.

— И тебе. — Она смотрит на меня, потом на водителя. — А твоя где?

— Долго рассказывать, — отмахиваюсь я.

— Я и не тороплюсь, — хмыкает Марина и называет адрес конечной точки.

Вздыхаю, вряд ли она отвяжется. Да и мне, наверное, хочется выговориться. Хотя бы ей. Рассказываю коротко историю с фсбшником, только факты, без эмоций и подробностей.

Подруга несколько секунд молчит и перебаривает, а потом качает головой.

— Ты отбитая, Жень. Совсем отбитая.

— Почему? — смотрю на нее.

— Мужик предлагает не пыльную работу, а ты нос воротишь. Я бы на твоём месте...

— Ты бы на моем месте послала его так же, как я.

Прозвучало не слишком убедительно.

— Не знаю, — пожимает Марина плечами. — Он хоть красивый?

— Да какая разница? — возмущаюсь я, мысленно пытаюсь убедить себя.

— Значит, красивый, — усмехается она.

— Марин, хватит.

— Ладно-ладно, — подруга примирительно поднимает ладони.

Мы замолкаем. Я отворачиваюсь к окну. Внутри и злость, и страх, но больше странная пустота. Как будто кто-то высосал из меня все, что было.

Приезжаем на объект — огромный загородный дом в два этажа. Заработать можно нормально, но и времени уйдет не мало. Судя по всему, до вечера.

Обговариваем с Мариной детали, распределяем обязанности и приступаем к уборке. Сначала пыль, окна, потом химчистка мебели и ковров. Механические движения успокаивают. Я погружаюсь в работу, стараясь не думать об Азарове и о том, что он не звонит. Но телефон проверяю регулярно.

— Нашел другого водителя, — хмыкает Марина, заметив мои метания.

— Возможно, — пожимаю плечами. Так даже лучше.

— А ты надеешься, что позвонит.

— Вот еще, — отвечаю слишком быстро.

Подруга усмехается, но ничего не говорит. Только смотрит с улыбкой, от которой хочется провалиться сквозь землю.

К вечеру я вымотана и физически, и морально. В этот раз с нами рассчитываются наличкой, еще и чаевые дают хорошие.

— Возьмешь к себе? — спрашивает Марина. — У меня, сама знаешь, не сохранятся.

— Да, конечно, — вздыхаю и убираю деньги в сумку.

— Завтра сдать надо в кассу.

— Хорошо.

Вызываю такси и звоню Никите.

— Сынок, как вы?

— Нормально, мам. Алина мультики смотрит на моем телефоне, я делаю уроки.

— Ты молодец. Я скоро буду.

— Хорошо.

Сбрасываю звонок и тяжело вздыхаю. Мои дети, ради них я готова на все, но почему-то не смогла принять предложение Азарова. Не самое, надо сказать, непристойное предложение.

Может действительно зря я отказалась? Может стоит позвонить и извиниться? Нет больше сил думать и терзаться всевозможными «если». Все равно Азаров не звонил, значит уже не актуально.

Приезжаю домой поздно. Фонари во дворе горят тускло, одна лампочка мигает, будто вот-вот погаснет. Выхожу из такси, поправляю сумку на плече. Ветер холодный, без труда пробирается под тонкую ветровку. Зябко ежусь и осматриваюсь. Моя машина стоит на том же месте, цела и невредима. Видимо, зря я пряталась, никто меня и не искал.

Иду к подъезду. Дорогу преграждают двое. Я не успеваю даже испугаться, как один из них оказывается рядом, прижимает меня к стене. Холодное лезвие касается горла, и я замираю, не дыша. Сердце ухает в пятки, пульс оглушает.

— Тише, цыпа, — шепчет он. — Не дергайся.

Я чувствую, как его рука скользит по моей куртке, по карманам. Пальцы грубо ощупывают вещи. Другой стоит чуть дальше и шарится в сумке, вынимает наличку.

— Нет, не надо, — скулю я, голос срывается. — Это не мое.

— Ага, потому что наше, — усмехается второй, распахивая деньги по карманам.

Они забирают все. Наличку, которую мне завтра нужно положить в кассу. Даже телефон проверяют.

— Хорошая тачка, — говорит первый, кивая на мою машину. — Сколько она стоит?

— Она не продается...

— Ответ не правильный.

Кулак врежется в лицо. Я не успеваю увернуться, удар приходится в скулу, голова дергается в сторону. Во рту появляется привкус крови. Язык натывается на что-то острое, и я понимаю, что губа разбита.

— Забирайте машину, — шепчу, чувствуя, как слезы смешиваются с кровью. — Только не трогайте меня.

— Умная девочка, — хмыкает он.

Они уходят. Быстро, бесшумно, растворяются в темноте. Я сползаю по стене, прижимаю ладонь к разбитой губе. Пальцы мокрые от крови. Дышу часто, прерывисто, не могу успокоиться.

Машины нет, денег нет и телефон они забрали.

Я сижу на холодном асфальте, обхватив колени, и дрожу. Нет, меня трясет, как в лихорадке. Крупно, без остановки. Холод разливается по венам, сковывает тело. Это все, что у меня было...

Надо, наверное, полицию вызвать. Поднимаюсь. Ноги не слушаются, но я иду в подъезд. Дверь в квартиру открываю дрожащими пальцами.

— Мама! Мама пришла, — Алинка выбегает из комнаты, но видит меня и замирает. — Ой...

Следом за ней выходит Никита.

— Что с тобой, мам? — серьезно спрашивает он.

— Все хорошо, — улыбаюсь сквозь слезы. — Упала неудачно.

Глава 15. Евгения

Алина подходит ближе, трогает мою руку.

— Мамочка, тебе больно? — шепчет осторожно.

— Немножко, — глажу ее по голове. — Но уже почти все прошло. Не переживай.

Никита молчит. Смотрит на меня так, будто знает, что я вру. Он всегда знает, когда я вру, но ничего не говорит. Только обнимает Алину за плечи и уводит в комнату.

Голова кружится, к горлу подкатывает тошнота, но я не хочу пугать детей. Стою в прихожей, прижимаясь спиной к стене. Дрожу всем телом. Ноги не держат, но я заставляю себя раздеться. Стягиваю куртку и кроссовки, а затем медленно, цепляясь за косяки, иду в комнату. Дети сидят на диване, Алина прижалась к брату. Никита смотрит на меня, и я вижу в его глазах страх.

— Мам, — говорит он тихо. — Ты можешь мне рассказать, что случилось?

— Не сейчас, сынок, — качаю головой. — Не сейчас. Ложитесь спать.

— Мы не хотим спать, — Алина поджимает губы. — Мы хотим быть с тобой.

— Хорошо, — выдавливаю улыбку. — Давайте посидим вместе.

Я сажусь рядом, обнимаю их обоих и целую поочередно в макушки. Дети так сладко пахнут, детством и домом. Единственным домом, который у меня есть. Я не знаю, что будет завтра, не знаю, как мы выживем, но сейчас я нужна им и я рядом. А дальше, что-то придумаю.

Мы сидим в тишине. Я держу их за руки, смотрю в стену, и внутри меня бьется в агонии часть меня, та гордая, негибкая и уверенная, что со всем справится. Она умирает вместе с моей последней надеждой. Нет, одна бы я, конечно, справилась, но дети... Я не имею права рисковать ими.

Дети укладываются по местам. Я лежу на диване, смотрю в потолок. Боль пульсирует в скуле, губа распухла, во рту до сих пор чувствуется привкус крови. Язык натывается на рваный край, и я морщусь. Дышу через раз, стараясь не шевелиться и рассказываю им сказку, Никита засыпает первым. Потом Алина.

Она дышит ровно, иногда всхлипывает во сне, царапает нежными пальчиками край одеяла. Я глажу ее по голове, и внутри все сжимается. Моя девочка. Моя маленькая, больная, хрупкая девочка. Как я объясню ей, что случилось? Что мама не смогла защитить ни себя, ни их?

Поднимаюсь, стараясь не разбудить дочь. Ноги дрожат, каждое движение отдается болью. Иду в ванную. Включаю свет, поднимаю глаза к зеркалу и замираю.

Оттуда на меня смотрит чужая женщина. Разбитая губа, синяк на скуле, заплывший глаз. Волосы спутаны, под глазами тени, будто я не спала месяц. Я смотрю на это лицо и не узнаю его. Где та, которая еще вчера спорила с подполковником, отстаивала свою гордость, бросала ему в лицо дерзкие фразы? Она осталась там. На асфальте. Вместе с кровью и страхом.

Включаю воду. Холодная вода обжигает разбитую губу, я шиплю, но не отворачиваюсь. Смотрю на себя, на свои руки, которые дрожат. Пальцы, еще недавно такие сильные, теперь трясутся, как у старухи.

Денег нет. Машины нет. Телефона нет. Даже заявление в полицию я не могу написать — боюсь, что они придут снова. Что найдут меня. Найдут детей. Я не знаю, кто они, но страх сильнее. Слишком большой риск.

Выхожу из ванной. На кухне горит свет. На столе стоит чашка. Свекровь сидит за столом, пьет чай и будто специально ждет меня, чтобы сцедить яд. Увидев меня, поджимает губы, отставляет чашку. В глазах холод и презрение.

— Ну что, нагулялась? — обдает ледяным голосом. — Получила свое?

Я смотрю на нее и не понимаю, она сейчас серьезно?

— Что?

— Вот так и ходить будешь, — продолжает Анфиса Федоровна, не глядя на меня. — По мужикам мотаться, а потом синяки получать. Проститутка.

Слова бьют больнее, чем кулак недавних нападавших. Внутри поднимается что-то темное, давно копившееся. Все эти месяцы унижений, все ее насмешки и издевки. Все это смешивается воедино и вырывается наружу.

— Что вы сказали?

— Я сказала, что ты проститутка! — повторяет уже громче. — Позоришь семью, позоришь моего сына! И дети это видят! Я знала, что ты такая. Еще тогда знала, когда Антон тебя привел. Дрянь!

Внутри словно что-то ломается под натиском злости.

— Заткнитесь, — цежу сквозь зубы. — Заткнись, старая дура!

Она вскакивает, лицо перекашивается.

— Как ты смеешь! Неблагодарная! Это ты не смогла удержать мужа! Ты — позор, а не женщина!

— Это я неблагодарная? Да ты бы сдохла без меня давно.

— Ах так, — возмущенно втягивает воздух. — Выметайся из моего дома! Сейчас же! Иначе полицию вызову!

— Я здесь прописана! — кричу в ответ. — И дети мои здесь прописаны! Меня отсюда никто не выгонит, понятно? Даже если вы вызовете! Идите и вызывайте! А я им расскажу про вашего сына, какой он законопослушный гражданин.

— Вот ты как заговорила...

Она открывает рот, но не находит слов. Испугалась, первый раз за все время. Давно надо было дать отпор, а не терпеть наезды больной старухи.

— А теперь оставьте меня в покое, — говорю уже тише. — Мне нужно подумать.

Выхожу из кухни. Иду в комнату. Дети спят. Я сажусь на пол у двери, обхватываю колени руками. Дрожу. Надо что-то придумать и срочно. Завтра нужно вернуть деньги, которых больше нет. И работы, судя по всему, у меня больше нет... Азаров.

Вспоминаю визитку, которую выбросила еще утром. Тогда мне казалось, что это принцип, что я сама справлюсь. А оказалось не справляюсь. Теперь я понимаю, что в моей ситуации принципы роскошь, которую я не могу себе позволить.

Дожидаюсь пока свекровь уйдет и иду на кухню. Подхожу к ведру, отодвигаю его и обшариваю все вокруг, но визитки нет. Как так? Я помню, что она упала за ведро, я специально не стала поднимать, из вредности.

Смотрю под стол, за шкаф нигде нет, даже переворачиваю мусорное ведро, но результат нулевой. Последняя надежда тает на глазах.

— Нет, — шепчу отчаянно. — Нет, нет, нет.

Сажусь на пол, прижимаюсь спиной к холодной стене. Закрываю глаза. Помощи ждать неоткуда. Как всегда. Только я. И дети. Но я не сдамся, выход должен быть, и я его найду!

Ночью я почти не сплю. Лежу, смотрю в потолок, перебираю варианты. Денег нет. Машины нет. Телефона нет. Визитки тоже нет.

Но, если Азаров не даст мне работу — нам конец. Значит я пойду к нему сама, без звонка. Я же знаю, где он живет. И буду умолять дать мне работу, которую предлагал еще вчера. Даже если придется валяться в ногах. Даже если он выгонит или будет смеяться.

К черту гордость. Гордость не накормит моих детей и не защитит их. А им нужна защита. Да и мне, если честно, тоже. Я так устала, кто бы знал...

Жгучие слезы собираются в уголках глаз, но я не даю им пролиться. Спать. Нужно хоть немного отдохнуть.

Утром я встаю и быстро одеваюсь. Смотрю на себя в зеркало — разбитое лицо, опухшие глаза. Какая разница. Пишу Никите записку, чтобы покормил себя и сестру, а мне нужно уйти ненадолго.

Выхожу из дома. Иду пешком. Хорошо хоть запомнила его адрес. Идти далеко, но денег на дорогу у меня нет. Каждый шаг дается с трудом, голова кружится, но я упрямо двигаюсь к цели.

Прохожие оглядываются, знаю, как выгляжу, но мне все равно.

Когда добираюсь до дома Азарова, часы показывают без пяти восемь. Встаю у подъезда, приваливаюсь плечом к стене. Жду и считаю минуты.

Восемь ноль-ноль.

Дверь открывается, и Азаров выходит и проходит мимо.

— Подполковник Азаров, — окликаю.

Голос срывается. Подполковник застывает и медленно оборачивается.

Его тяжелый взгляд скользит по моему лицу и рукам, которые предательски дрожат.

— Я согласна, — выдавливаю из себя — Если еще не поздно.

Он смотрит на меня долго и молчит.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.